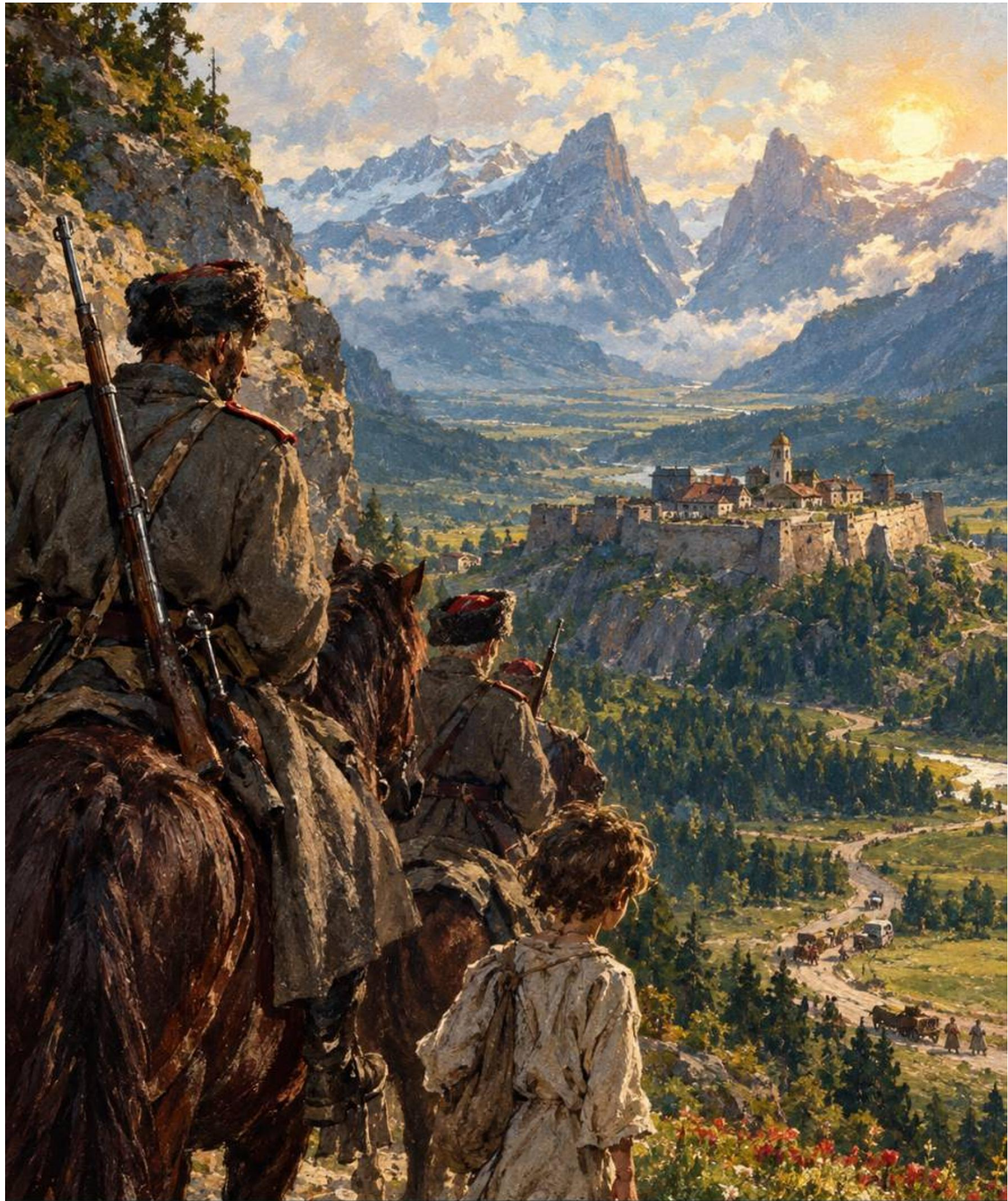

Кровь и слёзы

Александр Жакайм
Кровь и слёзы: Часть I

«Автор»

2026

Жакайм А.

Кровь и слёзы: Часть I / А. Жакайм — «Автор», 2026

Крепость на дальней окраине умирающей империи. Место, куда ссылают тех, кем не жалко расплатиться. Сироты войны побираются на улицах, равнодушные офицеры играют в карты, а наёмники в крови и грязи за копейки охотятся на чудовищ. Сегодня одиннадцатилетний сирота пойдёт добывать себе рыцарское звание, а в горах соберётся орда — взыскать железом за вырезанный род. В крепости поднимут знамя те, кто верит в справедливое общество и готов заплатить за него любую цену. Чужую. К рассвету останутся пепелище и несколько строк хроники. За всё надо платить. И за память тоже.

© Жакайм А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Белая кость	5
Рыцарь из Карп	7
Паршивый гусар	23
Овечья шкура	40
Интерлюдия. Камни	51

Александр Жакайм

Кровь и слёзы: Часть I

Пролог: Белая кость

— *By'l butarur'us jam'an. Arsl'an, ke'l e's'uruha!* — кричал старик на одном из горных наречий. Повторил по-романски. — Это плохо кончится. Арслан, приди в разум твой, не поздно ещё. Резня не вернёт родных наших.

Рыхлые тучи стянули арканом молодой месяц, и сквозь их дырявое покрывало едва проглядывали звёзды над Митридатовыми пиками. Чёрное вдовье небо скупыми слезами рыдало над соснами. Арслан глядел в одинокую темень леса. Его лошадь фыркнула. Рядом на гнедом коне сидел недовольный старый тимарлик.

— *Eru akuraru ne'ha, dos' ulu?* — спросил парень. — Ты говоришь на языке их, Шибан. Вижу, усомнить желаешь не меня, но нас.

Среди густого леса собралось две сотни всадников — сипары с их тимарликами. Старик кивнул.

— Говорю. Каждый поймёт пусть речь! Эти люди не Абодат, дитя моё. Война прошлая кончилась кровью. Я знаю лучше вас, дети, — он оглянулся на войско сипаров. Все они были юные отпрыски кланов. Все они не знали войны. — Я похоронил сыновей моих. Получил только слёзы жён моих за это. А вы похороните ли сыновей ваших?

Они молчали. Тимарлик с упрёком посмотрел на Арслана, но глаза того пылали всё той же волчьей злобой. Он напряжённо вглядывался в светлое пятно среди крон деревьев. Город Анна пылал жизнью. Не знал ни голода, ни страха. Многие годы там не ходила нога разорителя. Кулаки Арслана сжались. Задували последние холодные ветра отступившей весны. От дуновений края его чадры вздымались. Лицо скрывалось за никабом, как у молодой девушки. Глаза покраснели.

— Народ их принёс много бед на землю нашу. Абодат, шавка послушная, заплатит за дела его... Я смою оскорбления кровью. Скажи, старик, прятаться женщиной сколько дней буду ли? Жизнь целую до смерти в позоре, в сожалениях?

Слог Арслана распевался подобно горным наречиям. Он разводил слипшиеся звуки, будто расчёсывал их.

— Ты омоешь оскорбления кровью невинных!

— Я знаю, Шибан... — взгляд юноши смягчился. Прямая спина слегка покосилась. Он вздохнул. — В речах твоих много мудрости. Ты служил отцу честно. Ты прятал меня от Абодата людей. Я понимаю страхи твои, но ты пойми меня. Тиран дышит — мы не живём. Мы все. Он убивает всех: не верит человеку — убивает. Абодата люди найдут нас — что будет? Сожгут деревню, вырежут детей как овец больных, увезут женщин в рабство. *Ky'd 'aiylar* шепчут нам путь правильный.

Арслан хлопнул старика по спине, а затем проехал чуть вперёд, повернувшись к войску. Он стянул с головы никаб, явив чернявое бледное лицо. Острые скулы выступали над впалыми щёками, густые брови нависали над глазами. Сухие губы потрескались, и буйный ветер водил чёрные кудри вдоль широких плеч. Он поднял руку.

— Лес кончается там, где живут простые люди. Они нам не враги. Смерти их мы не ищем. Но солдаты среди них — они пришли на землю нашу с оружием. Они умрут. А вместе с ними — Абодат.

Арслан достал из подсумка свёрнутый лист бумаги. Он поднёс фонарь так, чтобы все увидели гербовую печать Абодата — пёстропёрый павлин — на сургуче.

— Я держу письмо сестры. Он в городе! Развлекается со шлюхами, пьёт вино, живёт наслаждением, а братьев ваших люди его душат в подвалах Гучартана. Он думает: *Жетыжер* его!

Юноша надел никаб обратно и поднял лошадь на дыбы.

— Даю клятву кровью предков наших: не сниму покрывала, пока Абодат Жестокий не умрёт от меча нашего.

Арслан взревел. Воины вторили ему. Гул наполнил лес: послышалось ржание коней, и даже сосны тревожно зашуршали. Копья забили по земле, среди нечленораздельного воя двух сотен всадников поднялись возгласы, которые постепенно подхватило войско. Воины скандировали имя рода Арслана:

— *То'ленгит! То'ленгит! То'ленгит!*

Они призывали вождя отдать приказ. Он ударил шпорами, потянув за уздечку. Его лошадь развернулась. Арслан обнажил саблю, и стук копыт потряс лес. Орда устремилась сквозь толщу деревьев вниз, по склонам холмов; она неслась неукротимой лавиной, рвясь обрушиться на деревянные хибары горожан. Среди войска больше не было людей. Они слились в единое пятно, которое становилось больше и больше по мере приближения. Не видно было отдельного воина, а только пугающую жуткую массу железа, сверкавшего в редких проблесках лунного света. И как вестник гибели, вперёд разносился гул их совместного клича:

— *То'ленгит! То'ленгит! То'ленгит!* — кричали они в ритме стука копыт.

Люди сперва удивились, когда земля затряслась под ногами. Затем испугались, решив, что это оползень. Наконец горожане обомлели, когда из толщи воющих деревьев показались они. Как ушат воды, внезапное осознание накатило, когда орда вырвалась на свет городских огней. Они были будто потоп, дикое течение разлившейся реки. Они бросились по главной улице. Люди прыгали в сторону. Кто поумнее — бежал домой, прятал детей и драгоценности, иные стояли как зачарованные, точно в ступоре, не веря в происходящее.

Нападающие что-то кричали, что-то спрашивали. Это было похоже на представление, словно актёры в праздник нарядились разбойниками. Игрушечные всадники и выдуманный язык. В ушах ещё звучала праздничная музыка Венчания, хотя она давно умолкла. Вдруг из толпы полетел камень в сторону пришельцев, и звонкий удар раздался по улице. И тогда ритмичный стук копыт сбился в непоследовательный, то тихий, то чересчур громкий плач. Визжала женщина, держа в руках окровавленную голову мужа. Крики раздались отовсюду. Шествие очень скоро переросло в бойню

Рыцарь из Карп

Глава 1

Сегодня, в первые мгновения лета, был день особый. Магистр Тадеуш, капеллан монастыря, вёл молодых послушников к храмину. Каждые три года он забирал мальчиков и взбирался с ними на Митридатовы пики, но не теперь. До испытаний оставался год. На заутрене капитан Громыслав явился в приют, за дверями капеллика они долго общались с Тадеушем, пока послушники читали молитвы за упокой перед ликом Святого патра Воложбы. Ещё до завтрака капеллан вызвал мальчишек. Их было мало, поэтому вызвал и тех, кто считал, что готов к паломничеству. Единственным таким оказался Родерик.

До рассвета, отведав хлеб с солью, они вышли из крепости на дорогу Слёз и шли без привалов многие часы, пока пасмурное утро не опустилось на горы. Серое небо закрывало солнце, а в долине встал густой туман. Родерик, худой мальчуган с каштановыми вьющимися волосами, поднимался к храмину. Узкая тропинка виляла под ногами, сырой ветер бил в лицо. Он был младше других. Только месяц назад ему стукнуло одиннадцать. С большим трудом он взбирался по хребту: ноги болели, спину ломило. Но шёл он молча, не жалуясь.

— Не отставай, Родя! — прикрикнул Индро, дожидаясь на высоком, покато́м камне.

Мальчик зашевелил ногами, но вряд ли ускорился. Он чувствовал суровый взгляд старшего, от злости по коже забегали мурашки. На подходах к камню Индро, уже совсем нетерпеливый, отвесил оплеуху, за шиворот дотянул Родерика на вершину.

— Иди жри, — процедил он.

Родерик поднял взгляд. На широкой площадке была разложена поляна. Тадеуш стоял вдалеке, рассматривая Митридатов удел, остальные ели. В нос ударил запах перловки. Мальчик не любил её, но сейчас в желудке заурчало.

— Ещё долго идти, садись у кремки — отогрейся, — крикнул Семён, крупный мальчик лет четырнадцати.

Ноги казались деревянными от напряжения. Родерик прошагал вперёд, бренча сумкой, и сел напротив костра. Ляжки приятно заныли, даже холодный камень под задницей не умалял радости. Он с выдохом скинул с плеч сумку. Позвонки прохрустели.

— Что за киб сегодня? — спросил он у Сёмы.

От чугунной кибиски исходил приятный дымок, дрова трещали, нагревая камни, уложенные вокруг кострища.

— Похлёбка, — ответил Ванек, самый рослый из всех.

Другой мальчик, Иваш, поднялся и стянул крышку. В небо повалил толстый столб пара, разнесся аромат мясной похлёбки.

— М-м, — принялся он, зачерпнув деревянной миской. — Кому добавки?

— Мне, — поднял руку Индро.

Но не успел тот взять киб, как его отбил Ванек. Миску он забрал себе, следующую отдал Сёме, затем Индро, Ивашу и так до самого последнего — Родерика. Наконец похлёбка была роздана, и остатки супа шкворчали на дне кибиски. Родя достал ложку из сумки, от голода слюна заполонила рот.

— Куда? — грозно глянул Ванек. — Молитва...

— Па́трор про кйбо эгёре гра́ти дамэсер¹, — произнёс Родерик на высоком лирике, только после этих слов наставники разрешали есть.

Мальчик не знал, что оно значит, но с радостью принялся уплетать еду. Приютские называли её кибом, потому что наставники называли так же. Крупа жевалась как передержанное

¹ (кальк.) Отцам за хлеб наш возносим благодарность.

сало, мясо было постным, пресноватым, но даже так казалось даром после долгого подъёма на хребет. Влажный ветер беспощадно дул в спину. Костёр шумно извивался под его напором. Но было хорошо. Куда лучше, чем на улицах Анны. Родя надкусил головку лука, раскрошил в суп ломоть хлеба.

— Эй, — услышал он.

Ванек глядел на мальчика. Светлые глаза упёрлись в него, будто собирались прожечь дыру в черепе. Старший положил свою порцию.

— Давай, мелкий, — начал он, задрав подбородок, — рассказывай.

Родерик напрягся. Он проглотил еду, спросил:

— Что?

— Зачем пошёл с нами?

Родерик покосился на послушников. Все смотрели на него. Лицо Ванека становилось суровым. В горле встал ком.

— Капля тебя больше не спасёт, — кивнул Иваш на капеллана вдалеке. — Воды в рот набрал? С тобой говорят, Родя!

— Послушай, тирка, — продолжил Ванек, — ты тут новенький. Ничего не знаешь. В курсе, что мы вообще идём и куда?

Родерик покачал головой. Ванек тяжело вздохнул, и сквозь зубы сплюнул себе под ноги.

— Понятно, — заключил он. — Тогда как тупому объясню. Добраться к храмину только первая пробка, ещё две. Старики называют это испытаниями. Ты читать не умеешь, так что про тривию забудь. Остаётся только пугна². Это пробка доблестью. Я, — парень ткнул себя в грудь указательным и средним пальцами, — он, и он, и Сёмка, и Индро — и остальные будем драться. Лучших в орден Святого Гордия. А остальных мыть полы в храмину да с бабами псалмы наперивать, пока из гузна кишка не выпадет — и ты тут первый в очереди! Всё ясно?

Родерик продолжал молчать. Не понимал он, что сказать, а за честный ответ отхватил бы по лицу.

— Короче, что бы тебе в галушу ни ударило. Печень сегодня размесят в кашу, — хрюкнув, Ванек сплюнул в костёр.

Родерик посмотрел на Сёму. Тот лишь удручённо кивнул.

— Ты ведь хотел рыцарем стать, Родя? — с жалостью начал Семён.

— Да... — ответил мальчик.

— Рыбой стать... — усмехнулся Индро, жуя перловку. — Что ещё удумал, тирка?

— Только шестеро станут рыцарями, — сказал Семён. — Остальных либо в архонат, либо в монахи.

— Родя, тебя тут всякий пугнёт и не запыхается, — встрял Индро. — Ты галушой-то своей думал? Капля говорит, я стульт³, а ты и вовсе безмозглый!

— Ну кончай, Индро, — ответил Семён, — Родя ещё протиснется в хоны, как Балемон.

— Что значит «протиснется»?

Чуть поодаль от остальных, на большом камне, вразвалку сидел белокурый длинноволосый юноша, тонкий как спичка. В руках он держал пыльную книжку, от которой не оторвался даже для того, чтобы взобраться на горы.

— То и значит, Балемон.

— Архонат — не отстойник для неумёх, вроде вас, — захлопнул книгу Балемон. — Чтобы стать неофитом ордена, надо осилить три свободных искусства. Герметика, философия, живопись — тонкое, праздное и точное. А этот, — с презрением глянул он на Родерика, —

² (кальк.) глаг. Дерись; (сленг) Драка, бой, испытание доблестью.

³ (кальк.) Глупец, глупый.

даже свой причиндал ровно не нарисует. Никто из вас, *stulta vulgna*⁴, не пройдёт в священные стены Дворца искусств!

— Что сказал? — вскочил на ноги Иваш.

— Что слышал! — поднялся вслед и Балемон. — *Pugna strenoluo, stult*⁵! Или всю жизнь будешь протирать харчки!

— Я тебе щас протру галушу, тварь! — начал уже задира рукава Иваш, как прозвучал громогласный крик Ванека.

— А ну притихли! Оба сели! Слушай сюда, тирка, — обратился он к Родерику. — Как придём, ты, умоляешь каплю зачислить в монахи. Не то пеняй на себя.

Родерик продолжал молчать. Его ноздри расширились. Он изо всех сил сдерживался, чтоб случайно не огрызнуться. Пальцы его крепко сжались на деревянных бортиках миски. Вдруг Родерик схватил ложку и запульнул ею промеж глаз Ванека. Она звонко стукнулась о лоб, размозжив во все стороны налипший бульон.

— Я буду рыцарем! — яростно ответил Родерик.

Внезапно земля ушла из-под ног. Мальчик обернулся и увидел Иваша, который, как котёнка, под плечи поднял его.

— Вот сука! — выругался Ванек, вытирая лицо. — Мелкота! Только потому что капеллан рядом, — показал он пальцем назад, — я тебе не разобью этой ложкой нос. Мне плевать, что хочешь: сказал — значит будешь.

— С бабами в книжках копать, — засмеялся Иваш.

Раздался приглушённый смех. Ванек тоже заулыбался.

— Чёрт, может и мне в монахи?

— Да они там страшные как мои яйца, — послышался голос Индро. — И такие же сморщенные!

Тихий смех перерос во всеобщий хохот. Даже Балемон смеялся. Родя дёргал ногами, пытаясь отцепиться, но крепкие руки однокашника держали его легко, как бурдюк молока. Тогда мальчик дёрнул головой, вlepив затылок в челюсть Иваша. Тот отпрянул, Родя приземлился на ноги.

— Пошёл в гузно! — крикнул он Ванеку.

Засучив рукава, старший пошёл на него. Родя готовился бежать, кружить вокруг него, как резкая боль в ушах подкосила ноги. Оглушительным звуком голос капеллана раздался позади Ванека. Послушники попадали, заткнув перепонки пальцами.

— *Qua hic evenit, Vanek?*⁶ — сказал Тадеуш.

Звон прекратился. Слова капеллана звучали сурово, но хотя бы не оглушительно. Родя поднялся, в глазах до сих пор троилось.

— *Ignosce egmi, magistra*⁷, — Ванек почтительно встал на колено.

— *Exempla novisor es debetes. Tus futura equita Ordine Sanctes Gordie — proinde tusmi gere!*
*Vasanar collige, discedemeser.*⁸

Ванек поднялся во весь свой огромный рост и басом прикрикнул:

— Привал окончен, деваньки! Подтираем гузна, собираем поляну и выходим!

Как он и сказал, послушники вышли со стоянки. Вскоре покатая площадка закончилась, и они снова выходили на узкую тропинку. Полосой отряд двигался вдоль хребтов следующие три часа. Солнце возвышалось над ними, когда на горизонте мелькнула белокаменная постройка.

⁴ (выс. лирик) Глупая чернь (обезлич. форм.; оскорбление).

⁵ (выс. лирик) Дерись хорошенько, глупец (нейт. форм.).

⁶ (выс. лирик) Что здесь происходит, Ванек?

⁷ (выс. лирик) Простите меня, магистр.

⁸ (выс. лирик) Ты должен быть примером для послушников. Ты будущий рыцарь ордена Святого Гордия, води себя соответственно. Собирайтесь, уходим!

«Храмина!» — подумал Родерик, вытирая струи пота со лба. Хребет тут перестал уходить вверх, и к постройке лежала прямая, хоть и ухабистая, дорога.

Ветер дул особенно сильно. Очередной порыв покачнул мальчика, ноги подкосились, и перед глазами встало серое круто уходящее вниз полотно. Жар ударил в голову, уши заложило. Родя чувствовал, как падает, горная твердь стремительно приближалась, как вдруг плащ стянул плечи, зажал горло. Сумка звучно стукнулась в спину, миски с ложками выпали, со звоном отбились от камней и покатались вниз. Ванек, шедший позади всех, успел схватить Родю. Он резко подтянул его к себе. Задышавшись, Родя упал на колени, руки тряслись. С трепетом он смотрел на склон хребта. Снег осел налётом, как ржавчина на тополе. Сухие ветки пробивались местами, а кроме них — ничего. Только бескрайнее небо и холодная зелень долины.

— Спасибо... — промолвил Родерик, глотая разреженный сырой воздух.

Свист ветра заглушал все мысли. Дыхание теперь казалось отчего-то сладким, как сироп. Он повернулся, чтобы повторить благодарность, но получил кулаком под затылок.

— Даже посуду не сберёг, — гневно сказал Ванек. — Идиот...

Парень зашагал дальше. Родя пошёл следом. Спустя время, они уже входили в ворота.

Храмина поражала высотой стен. Сбоку фигура здания напоминала четырёхугольник, хотя вблизи Родерик и рассмотрел, что от каждого угла выходила широкая многогранная башня. Одна из башен смотрела прямо на них. Она представляла собой фасад храмины, и в передней её грани была громадная дверь из дубовых досок, обитых железными прутьями. От двух соседних сторон отходили стены храмины, усыпанные тремя рядами застеклённых окон. Три другие башни возвышались над пропастью и казались до того огромными, что Родерик сжался под всем их многовековым величием. С жутким скрипом отворились деревянные ворота, когда Тадеуш помахал часовым на стенах. Воздух повалил в спины послушникам. Храм будто бы пытался всосать в себя мальчиков, пожрать их подобно древнему чудовищу, что раньше жило на этих хребтах. Из темноты храмины возникли сторбленные фигуры.

— *Intra, fratremi Tadeus*⁹, — послышалось изнутри.

Капеллан шагнул в тёмное помещение, и за ним — послушники. Когда Родерик перешагнул через высокий порог, ворота, словно под дуновением ветра, захлопнулись, и помещение наполнилось ярким светом. Они оказались в широком коридоре со множеством дверей и окон. Узорчатые арки тянулись по стенам, у самого потолка разделяясь на две дуги. На нижней восседало чудовище из самого Ужаса мира. А верхняя разделяла потолок, исписанный сюжетами. Узоры на пилястрах собирались то в образы демонических тварей, то в лики святых демоноборцев, и каждая дверь знаменовалась надписями.

Тёмные сторбленные фигуры обратились в пожилых мужчин. Они радостно поприветствовали Тадеуша, а самый старый из них заключил капеллана в объятия. Все они носили чёрные мантии с атласной каймой, обрамляющей рукава и воротник. У Тадеуша кайма была пурпурной, а у стариков — тёмно-зелёная. После недолгого разговора Тадеуш протянул руку, указывая на послушников, и громко сказал:

— *Ecce turmi, magistremi Nellod*!¹⁰

— *Pauc*, — заметил их седой лысый дед, поглаживая морщинистый подбородок, — *Sed robustiser videm! Preterea...*¹¹

Старик указал тростью в Родерика. В этот момент Ванек повернулся к мальчику и всем видом потребовал, чтобы тот что-то сказал.

— Он тут недавно, — ответил мастер Тадеуш. — Я говорил вам про него.

⁹ (выс. лирик) Входи, брат (обр. как к близкому) Тадеуш.

¹⁰ (выс. лирик) Вот они, магистр (обр. как к близкому) Неллод!

¹¹ (выс. лирик) Немного. Но вижу крепышей! Однако...

— А, это тот городской воришка? Рановато он решился на испытания. Ну да ничего, пойдёт в монахи.

Сердце Родерика сжалось. От злости и робости в груди стало горячо. «Не пойду!» — подумал он.

— Одна морока с этим князем, — начал другой высокий и тощий дед. — А когда придет... Ой, совсем беда! Сколько этому мальчику, Тадеуш? В окрестностях перевелись сироты?

— Никто больше не вызвался, мастер Никодим. Ванек! — обратился он к старшему послушнику. В голосе при этом заиграли строгие нотки. — Тащи наших в приходские спальни, в конце коридора. Ты, Родерик, останься.

Серые глаза капеллана уставились прямо на мальчика, совсем как в тот день на рынке. Родерику даже показалось, что Тадеуш прочитал его мысли. Послушники дисциплинированно зашагали к приходне, а Родерик врос в землю, не решаясь двинуться. Он был уверен в том, что сейчас его прогонят. Когда последний сирота скрылся за дальней дверью, капеллан начал:

— Для тебя испытания закончены. Ты зачислен в монахи.

— Очень жаль такое говорить, — продолжил Неллод. — Но ты не выдержишь ритуалы, хотя мы и ценим твою храбрость. Далеко не всякий вызвался бы пройти столь тяжёлый путь, да в твоих летах! Тем не менее пора принять волю Святых Отцов.

— Пойдём со мной, — протянул костлявую руку третий старик.

Родерик смерил взглядом его тонкие кривые пальцы. Он внимательно смотрел на эту дряхлую старческую руку и видел все мельчайшие детали. Он видел пыль старых книг, чувствовал, как от неё воняет мертвечиной и травами. Родерик не хотел до самой смерти чахнуть среди кусков пергамента и трупов. И отчаянно искал спасение. Думал, как ему уклониться, сбежать от этого дьявольского отростка.

— Нет! — вскричал мальчик. — Я хочу стать рыцарем!

Мужчины застыли от изумления. Только Тадеуш был хладнокровен.

— Путь в рыцари один, — указал он на гостевые спальни. — Одолеть в честной схватке хотя бы шестерых.

— А я попытаюсь! — ответил Родерик и показал язык капеллану.

Мальчик гордо стукнул кулаком в бедро Тадеушу и побежал к приходне.

— Постой, Родерик! — раздался позади приказ Тадеуша.

Но мальчик уже не хотел поворачиваться, как любой непослушный ребёнок. Он бы так и убежал, но на второе, более грубое требование Родерик остановился и нехотя повернулся к старикам. Неллод, тяжело дыша, нагонял мальчика. Он взял его под плечо и повёл обратно:

— Послушай, Родя! Я знаю, что несправедливо лишать тебя шанса, но испытания не так легки. Твои старшие братья готовились к ним годами. Ты не выдержишь. Эх, был бы ты старше и судьба была бы более благосклонна!

— Я должен стать рыцарем, — ответил Родерик. — Вы не понимаете, мастер.

— Не может ли он попробовать вновь, через пару-тройку лет? — спросил Никодим.

— Нет, — резко ответил Тадеуш. — Это ритуал и нарушить его нельзя!

— *Tunc vada tu. Nan sic — sed probationor monacha esbit.*¹²

— *Tu pauca menser asilo. Probationaler tumi necabiter,*¹³ — ответил Тадеуш.

— На самом деле, — вмешался третий старик, который до того почти не говорил. Сам он скрывался за капюшоном своей рясы и держался в стороне, но теперь обнажил лысый, покрытый татуировками череп, — он может стать рыцарем без испытаний.

— Что за кощунство... — вырвалось из уст капеллана.

¹² (выс. лирик) Пусть идёт. Не так, так эдак станет монахом через испытания.

¹³ (выс. лирик) Он недолго в приюте. Испытания его убьют.

Старик жестом велел тому умолкнуть. Он протянул свои костлявые руки к лицу Родерика. Только сейчас мальчик заметил, что тот был полностью слеп. Этот человек смотрел руками. Он ощупал молодого послушника, но теперь от его пальцев пахло не смертью, а надеждой. Старик источал дух мудрости.

— Этот благородный юноша, — продолжил тот, — может стать рыцарем, как того желает.

— Но, брат Нестор... как? — спросил Неллод.

— Согласно древнему ритуалу, рыцарь-командор выбирает себе слугу из числа достойных мальчишек.

Невольно Родерик заулыбался:

— Правда? Он меня выберет?

Вопрос остался без ответа; вместо того капеллан Тадеуш возразил:

— Да-да, мастер Нестор, слышал нечто подобное. Однако вы не учли, мы не военный орден, у нас нет рыцаря-командора!

— Разве? — с удивлением посмотрел куда-то вверх старик.

Лицо Тадеуша исказилось в гримасе то ли боли, то ли отчаяния. Он измученно произнёс себе под нос:

— Филарет... *sordida pagan...*¹⁴

Тогда же и два оставшихся старика задумчиво переглянулись.

— А ведь брат Филарет и правда рыцарь-командор!

— Да... но...

— Это уже дело Родерика, — закончил за них Нестор. — Тадеуш, бери мальчика с собой и отправляйтесь обратно в крепость.

Родерик подбежал к старику Нестору и крепко обнял.

— Спасибо большое, дедушка!

Старик засмеялся, потрепал его каштановые кудри и сказал напоследок:

— Помни, дитя! Коли на рассвете Филарет не объявит тебя оруженосцем, век быть монахом!

Глава 2

Дверь распахнулась. Промёрзшие дощечки свистели, замок дребезжал на ветру, и зимние вихри ворвались в сени избы. На крыльце стоял невысокий мальчик. Снежинки клубились над его головой. Он оглянулся. Округу окутывала белая пелена. Задувала метель, дворик был засыпан, а чуть дальше виднелся выцветший хлев. Погоня отстала. С облегчением мальчик топнул валенками и шагнул внутрь.

В груди колотилось. Родерик отряхнул одежду. От взволнованного дыхания исходил пар, лицо горело. Он всё-таки убежал — ему хотелось обрадоваться, но времени на это не оставалось. Дверь с треском хлопнула. Мальчик стоял перед высоким порогом в избушку. Сырой воздух отдавал резким запахом водки.

— Я дома... — неуверенно сказал он, заходя.

Тишина. Лишь свист раздавался из холодной темноты избы. Замёрзшее окно дрожало на ставнях, тускло освещая нищее убранство. В тени скрывался пустой деревянный стол, на полу лежала табуретка. Ни посуды, ни свечей — даже мыши не бегали под половицами. А на дальней стене, на полочке стояла единственная икона. Мальчик поклонился.

Он подбежал к печке. От глиняных стенок едва ли исходило тепло — она уже почти не грела. Родя посмотрел в топку. Дрова тлели на горке из копоти и пепла, чёрный дымок сквозил к потолку. Одубевшими от мороза пальцами мальчик сбросил с лица шарф, расстегнул стёганую куртку. Из-под полы показались два полена.

¹⁴ (выс. лирик) Презренный язычник (нейт. форм.).

— Пожалуйста, горите, брёвнышки, — подсунул он их в очаг, — нам очень надо.

Родя стянул с головы шапку. На мокром лбу проступали испарины. Он поднёс покрасневшие руки к уголькам. Жар приятно обдал кожу, и даже сбитое дыхание успокоилось, как вдруг донёсся кашель. Он не спутал бы его ни с одним другим звуком. Кашель загремел грозой, каждый раскат отдавал трепетом. Беспомощная, тяжёлая тревога сковала сердце.

Мальчик повернулся. Дверь в комнату была открыта. Свет косо падал на изголовье кровати, где укутанная одеялом лежала мама. Тени блестели на мокром лице. Болезненно-бледная кожа содрогалась от приступов чахотки. Она вся исхудала. Не спеша мальчик подошёл и сел на табуретку рядом.

Со страхом Родя смотрел в закрытые мамины глаза. Растрёпанные светлые волосы распластались по влажной подушке. Слёзы подступали, мальчик всеми силами держался, чтобы не заплакать. Ей не становилось лучше: уже много дней мама не вставала, а морозы становились всё суровее и суровее. «Вставай, — думал он. — Ты ведь обещала, что поправишься!» Родя хотел спросить, как она себя чувствует, но боялся... Боялся, что она опять ничего не ответит. Мальчик встряхнул головой. Он должен держаться.

— Мамуля, — из внутреннего кармана Родя вынул кусок ржаного хлеба. — Покушай. Я нашёл.

Родя сжал краюшку. Хлеб был плотный. С трудом он оторвал ломоть и протянул мамушке. Женщина молчала. Её глаза судорожно двигались под веками. Родерик отложил еду. Он прислонил ладонь ко лбу матери. У неё был сильный жар. От прикосновения она дёрнулась, голова склонилась набок.

— Мамочка... — шепнул он.

Без ответа. Лишь её ресницы слегка разомкнулись, показав чёрные зрачки. Она безучастно смотрела в темноту. Родя вздохнул. Желудок урчал: он и сам давно не кушал. Мальчик протянул маме хлеб — она не ответила, — и он стыдливо проглотил кусочек. По языку со слюной растёкся кисловато-сладкий вкус. Ароматный пряный солод ударил в нос. Живот сжался. Родя не мог остановиться. Он кусал ещё и ещё раз. Корочка хрустела, мякиш словно таял во рту. Он жадно глотал хлеб, пока с ужасом не заметил, что остался всего ломоть.

— Нет, нет... — в смятении сказал Родя. — Ну покушай, мама!

Он толкнул её в плечо.

— Мамочка, поешь! — кричал он.

Вдруг тело женщины согнулось. Она закашляла. Тяжело. Со всхлипами. С кровью. Мокрота выходила на простыни, брызги оседали красными пятнами. Родя схватил тряпочку. Он обтёр маме лицо.

— Родя... — просипела она.

Её глаза, еле раскрытые, мутно смотрели в окно. Капли пота стекали по щекам.

— Родя... — снова простонала она, и рука потянулась куда-то в сторону, — Маруся... Её надо загнать в сени... такой буран... так холодно.

Родерик кивнул, а внутри всё сжалось: коровушка умерла ещё несколько дней назад. Вздвогнув, он протянул маме последний хлеб. Женщина безучастно опустила взгляд на еду. Непонимающе она оглядела кусок, резко скулы её вытянулись, словно испуг нашёл на неё. Желваки напряглись, смесь злости, разочарования и замешательства промелькнула на измождённом лице. Она отпрянула от Родерика как от волка, прыгнувшего из тёмной чащи.

— Откуда взял, Родечка? — неожиданно крепко схватила она мальчика за запястье.

Мама приподнялась. Сурово она смотрела в глаза Родерику. Её влажные зрачки беспойно двигались. Бледные губы сомкнулись.

— Украл? — мягко, почти шёпотом спросила она.

Родя, опустив голову, закивал. Мама отпустила его руку. Без сил она упала на кровать, сжав ладонью рот. Брови сомкнулись, а на глазах проступили слёзы. Глядя в потолок, она беспомощно заплакала, плечи её вздрагивали от всхлипов. Она закрыла лицо руками.

— Иди, Родя, — как могла, спокойно попросила матушка, — загни Марусю...

Раздавленный виной, мальчик сполз со стула, он положил ломоть на мамину грудь и вышел из комнаты. Тусклый свет пробивался сквозь замёрзшее окно. Пыль блестела на столе. В тени лежал поломанный стул, а на полочке в углу стояла икона. Святой Воложба взирал с высоты на мальчика. Его голова, озарённая нимбом, склонилась набок. Тишина. За стенами гневно дул ветер, бушевала метель, и только мамин плач перебивался страшным иступлённым кашлем.

Родерик очнулся от удара. Мул дёрнулся, и мальчик стукнулся о спину Тадеуша. В глазах рябило. Солнце давно перевалило за полдень. Спросонья Родя огляделся. Они с капелланом уже спустились с хребтов и ехали вдоль цветущей долины. Под лучами розовел бескрайний зелёный простор, небольшие холмики, обросшие бородой из одуванчиков, и редкие раскидистые липы. Речка змеей изгибалась между холмами. Она шла от самой крепости, а начиналась где-то высоко, дальше Дворца искусств, и, проходя Митридатовы пики, скрывалась в хвойных лесах.

Был день, а следом наступила бы вечерня. Сон быстро улетучился: Родя вспомнил, что должны подать поросёнка, зажаренного, с овощами. От этих мыслей в желудке заурчало. Он посмотрел на капеллана — как всегда хмурого и злого. С досадой понял: «Привала не будет».

Дорога проходила через Митридатов удел. Сама храмина располагалась на самом острие Митридатовых пик. Так называли два хребта, что огибали долину и на исходе едва соприкасались вершинами, а под ними сотни аршин свободного падения. Родерик вспомнил, как мама, плетя корзины в сенях, рассказывала, что в давние времена удел был укрыт от мира. Горы окружали его со всех сторон, пока Митридат не пробил в них разлом. Огромная дугообразная дыра являла долину людям. В горле вставал ком при одном взгляде, а воображение рисовало Митридата, бурящего камни потоками огня и молний. На контрасте даже храмина казалась лишь очередным булыжником, выпирающим из горной породы.

Капеллан скучающе вёл мула. Родерик теснился позади. Он не особо умел ездить, отчего у него жутко болели бёдра, но радости оно не умаляло. Мальчик весело вцепился в мантию Тадеуша, как в уздечку: в своих мыслях он уже скакал на гнедом коне с копьём наперевес.

— Чему так радуешься, Родя? — спросил Тадеуш, не сводя глаз с дороги. — Перестань ёрзать.

— Слушаюсь, мастер! — выкрикнул Родерик.

— Прекрати, говорю! Ты рано радуешься, мальчик — ты ещё не рыцарь. Знаю, ты считаешь, что и дальше всё будет легко, но Филарет не прост. Будь осторожен. Он злее, чем кажется... и опаснее.

Сначала раздражённая и порывистая, речь Тадеуша стала тихой, задумчивой. Капеллан краем глаза глянул на Родерика и продолжил:

— Ты ведь тогда так и представился: «Сир Родерик из Карп», — сказал старик и рассмеялся.

В голове возник образ заснеженной слободы, родного дома, с узкими улочками и соломенными крышами. В ту жестокую зиму мороз унёс жизнь мамы. А дальше были голодные месяцы одиночества. Родерик насупился.

— Потому что я и есть Родерик из Карп: мой патре был рыцарем! Его посвятили в сражении при Карпах. То случилось в Семигории.

— В Семигории, — поправил Тадеуш.

— Какая разница! Там теперь бедный папенька и лежит совсем мёртвый...

Тадеуш поджал губы.

— Сочувствую. Кто тебе рассказал?

— Мама.

— Ты поэтому к ним так рвёшься?

Мальчик пожал плечами.

— Мама хотела, чтоб я стал рыцарем. Но стал вором... — грустно заключил он. — Она плакала, когда я воровал. Стану рыцарем — будет смеяться.

— Не думаешь, что она соврала?

— Мой папенька лежит в Семигории, это точно так!

— Не сомневаюсь, он был казаком. Но солдат не посвящают в рыцари — так не бывает.

Капеллан обернулся. На сухом лице не проскользнуло и тени эмоций, только лоб слегка нахмурился, и недлинные седые волосы растрепал встречный ветер.

— Ты не первый сиротка, которого я воспитываю. Всем врал матери — кому от большой любви, кому от безразличия. Для них это как рассказать сказку перед сном. Матери создают для нас иллюзии, выдуманный мир, где всё лучше, чем есть.

— Матушка не врала, — упёрся Родерик. — Я уже рыцарь. По наследству.

Тадеуш вздохнул, отвернулся. Помолчав, продолжил:

— Ну ладно. Давай иначе. Знаешь ведь, кто рыцари ордена? Они не те же самые, что князь или граф. Рыцарь ордена другой. Он не поедет на войну, как казак, и не получит поместье на землю, как боярин. Долг ордена — защищать людей. Ты уже полгода в школе, почему тебя это так удивляет?

Родя не нашёл, что ответить. Тадеуш досадно цокнул.

— Лучше бы учился с таким рвением... Святые Отцы основали первый орден много столетий назад. Семь учёных мужей, три безродных рыцаря и нищий монах. Они открыли секреты природы и начали истреблять порождения. Твои братья готовились, чтобы стать демоноборцами.

— И я стану! — весело ответил Родя.

Но капеллан был отнюдь не весел и даже не зол. На него нашла неожиданная печаль.

— Половина из них умрут неофитами... Остальные — в первый год службы. Может один, или двое, встретят следующий десяток. Видишь речку?

Капеллан кивнул в сторону. Река дребезжала об острые камни, накатами уходя по склонам долины. Свет переливался в её неспешном течении, обнажая девственно чистые камни на дне. Ни рыб, ни растений. Вода была мёртвой.

— Заметил? — Тадеуш перевёл взгляд вдаль, в синеющие расщелины гор. — Её называют Безмолвной за мёртвые воды. Эта дорога ведёт на Заставу Гордия. Никто не видел исток реки, но он где-то там, в горах. Вы молодняк. В деревнях орден давно истребил чудовищ. Вы росли без страха перед порождениями, и все, как бараны, рвётесь в рыцари. Но там, — он снова кивнул на расщелины, — там иная жизнь. Поверь, люди часто врут, матери в том числе. Не губи себя ради небылиц.

— А я не боюсь, — ответил Родерик, стукнув ногами об мула.

— Не боишься смерти?

— Не-а, — бравировал мальчик. Чуть умолк, задумавшись, и сказал: — Маменьку забрал мороз. Не демон, не чудовище. Просто мороз.

Тадеуш хмыкнул. Без разговора они проехали холм. Сверчки прыгали по траве, пчёлы жужжали среди золотисто-алого покрывала из одуванчиков и тюльпанов. За следующим холмом показалась крепость. На таком расстоянии она походила скорее на продолжение гор.

— Вижу, тебя не переубедить, — прервал тишину Тадеуш.

— Не-а, — ответил Родя. — Мастер Филарет сделает меня оруженосцем, и я стану рыбой!

— К слову, о Филарете. Мы, Родя, орден Святого Воложбы. Познаём науку, ищем промысел в механизмах природы. Мы монахи и архонты. Откуда среди нас рыцарь?

Мальчик не ответил.

— Какой первый завет Отцов? — задал следующий вопрос Тадеуш.

Его Родерик знал с детства:

— Нет бога на земле...

— И всякий идол есть отражение твари в материи, — продолжил капеллан. — Это первый. А второй?

— Не сотвори себе кумира и никакого изображения. Не служи им и не поклоняйся.

— Всё-таки в голове что-то есть. Мы все живём по этим законам. Но Филарет плевал на них.

Мальчик опешил.

— Он язычник? — шёпотом спросил Родя.

— Поклоняется идолам. Он не по своей воле стал братом ордена.

— Может, он как вы, экзорцист?

— Наивное дитя! Какие обеты дают рыцари? Раз метишь в их ряды, пора бы знать.

— Защищать завет Отцов.

— Вот именно, — пригрозил пальцем в небо Тадеуш. — А экзорцисты служат демонам.

— Вы тоже? — приподнял брови Родерик.

Тадеуш едва кивнул.

— Я предал заветы, чтобы бороться с тем, что им противно. Неважно, какой путь в служении добру изберешь — всегда придётся чем-то пожертвовать.

— Но ведь нет никого выше завета...

— Это так.

— Тогда для чего? Ну... нет же никого главнее Отцов. Зачем их предавать?

Родерику не хватало слов, чтобы выразить вопрос, застрявший на языке. Тадеуш лишь огляделся на бескрайний простор и вдохнул полной грудью.

— Попробуй тоже, — посоветовал он.

Родерик недоверчиво посмотрел на еретика, но последовал его примеру. Он повернулся, перекинув одну ногу через мула, и перед взором предстала долина, охваченная неприступным спокойствием. Щебетания птиц сливались с ровным журчанием реки. Лёгкий ветерок проносился над цветочным одеялом, покрывшим мокрую землю, точно лисёнок кружился среди одуванчиков, срывал пушинки, щекотил лицо мальчика, будто бы дразня за хмурость. Грудь наполнил аромат тысяч цветов, что росли в долине, а в глаза ударило солнце, плывшее над шапками гор.

— Чувствуешь величие мира? — начал Тадеуш.

Но Родерик не понимал наставника. Он с упрёком выпалил:

— Это просто одуванчики!

— Это и есть завет, — покачал головой капеллан.

— Ради одуванчиков можно предать Отцов?

Тадеуш с усмешкой посмотрел на обозлённое лицо подопечного.

— Ради одуванчиков, ради мирного неба и глупых мальчишек, которые ничего из этого не ценят, — и потербил Родерика за волосы. Лохматые кудри перепутались и упали на глаза мальчика.

Родерик закричал, лишённый зрения. Он схватил руку капеллана в попытке остановить, но большие, мозолистые пальцы продолжали лохматить вьющийся волос.

— Ну хватит! — уже взмолился мальчик, когда капеллан отвернулся, громко смеясь.

— Ладно-ладно, — ударил поводьями Тадеуш. — Уже подъезжаем.

— Вот вы гнуситесь на мастера Филарета, — продолжал Родерик. — А сами отступничаете!

Капеллан обернулся. Он ткнул пальцем в безжизненную реку, протекавшую мимо, и сказал:

— Видишь эту мёртвую воду? Не будь её, никакой крепости не было бы. Она не солёная, не горькая. В ней нет рыб, но нет и заразы. Эта река мертва, чтобы живые пили из неё. *Negatia negatie tolletiao ducet*¹⁵. Это формула магии, основа праздного искусства, Родя. Любая служба требует жертв.

— А чем пожертвовал мастер Филарет? — взвинулся мальчик, готовый уже вот-вот снова возразить, но осёкся.

Что-то в Тадеуше переменялось, едва различимо, и мальчик остро почувствовал эту перемену. Изменилась осанка, положение рук — Родерик научился подмечать подобное ещё с тех времён, когда воровал на улицах Анны. Спокойное лицо капеллана напряглось, словно сдерживало тяжёлые думы. Казалось, прямо сейчас в нём борются две противоположные мысли.

— Просто пообещай кое-что, — с неожиданной нежностью начал он. — Я тоже был сиротой и знаю, как тяжело расставаться с грёзами. Но пообещай... идти своей дорогой. Даже если всё удастся, и ты станешь оруженосцем, иди своим путём. Не живи чужими сказками. А главное — не стань как Филарет.

— Хорошо, — смиренно ответил Родя, — даю честное рыцарское!

Тадеуш кивнул. Мул хрипло заревел: они поравнялись с линией разношёрстных караванов. Впереди, за мощёным мостиком, сновали люди мимо квадратного барбакана. Низкая и толстая крепостная стена волнами лежала на холмах. Ров огибал её, присыпанный зелёной шерстью, и просёлок тянулся вдоль к казацким куреням.

— Мастер, что это? — спросил удивлённый Родерик.

Повозки были полны овса, пшеницы, засолённой рыбы. В крошечных деревянных клеточках сидели куры, а в тележках с высоким бортом везли свиней и коров. В некоторых очень искусных, обитых металлом экипажах ехали богатые ткани, золотые украшения и дорогая керамика.

— Дарения князю.

— Ого! — обвёл он глазами очередь. — Ему всегда так?

— Как правило, хватает податей. Но сегодня князь женится. Знаешь, кто невеста?

Мальчик задумался, а затем недоумённо проговорил:

— Та девочка с башни?

— А ты догадлив!

Родерик улыбнулся и гордо выпрямил спину.

— Да что там думать? — ответил он, не подавая виду. — У нас только одна княжка есть. Он же притопа! не на Йохане жениться!

— Что за Йохана?

— Повариха.

— Рыжая, что ли?

— Наверное, не знаю, — пожал плечами Родя. — Старшие постоянно о ней галужат.

— Скоро и сам начнёшь.

Мальчик отмахнулся.

— Никого ниже принцессы даже не поцелую!

Тадеуш откровенно и раскатисто рассмеялся.

— Аппетитов тебе не занимать, юноша. Но принцесса у нас тоже одна. И уже занята.

— Да ну! В крепости принцессы есть?

— Ещё не догадался? Та девочка с башни не княжка, а принцесса фон Фольсбург.

¹⁵ (выс. лирик) Отрицание отрицания несёт снятие.

— Тю! — скрутил губы трубочкой Родя. — Она же больная.

— Потише!

— Да правда же. А то чего её в башне заперли? Наверное, бешеная и проказная.

— Говори тише. Услышат — придётся тебя пороть. Чтоб молчал как рыба, понял? Ты идёшь к Филарету и уж при нём таких глупостей не производи, не то он тебя пополам разрубит. Мы на месте!

Мул уже подвёз их к стенам. Дорогу тут замостили булыжником. На двух башнях стоял караул, на въезде досматривали путников. Мастер Тадеуш повёл мула мимо очереди прямоком к широко распахнутым воротам, где дежурили солдаты в серых мундирах, со сбитыми набекрень фуражками. Главный — сержант, чей мушкет бездельно висел на стене — узнал Тадеуша и кивнул, пригласив внутрь.

Они проехали в сторожку под низким косяком арки. В темноте барбакана пятеро солдат разбирали тележку: вскрывали мешки с крупами, смотрели языки и зубы у скотины. Ещё двое заново собирали проверенные ящики. В углу, куда выстроились люди, монах клира щупал людей на гниль.

— О, капеллан, — узнал их караульный, высокий краснолицый солдат со щетиной, — как там парни?

— Как всегда, Петрик, — спешился Тадеуш, взяв мула за повод. — Только жрут, непрерывно галдят и испражняются.

— Ну это ясно. Хотя б девок не портят.

— Уж это недалеко! — махнул рукой капеллан.

Родерик последовал за Тадеушем и тоже слез. Увидев его, солдат засмеялся:

— И ты тут, Родька? Небось расплакался и домой пошёл?

— Сам расплакался, дурак пьяный! — тыкнул пальцем Родерик. — Сапоги новые надел, а побриться забыл!

— Да не бухти, — потрепал его солдат по волосам.

Мальчик в обиде замахал кулаками.

— Да что вы все пристали к моим волосам! — закричал он, но Петрик вытянул длинную руку так, чтобы Родя даже не доставал.

— Ты давай заканчивай со своими привычками. Добрый монах не метелит прихожан, — и второй рукой щёлкнул ему по лбу.

Родерик запетлял назад. Он схватился за лоб, где теперь выскочила шишка, натирая больное место.

— Вот стану рыцарем и как щёлкну тебя гардой по носу, — не унимался Родя, пока сзади по голове не прилетел шлепок.

— У тебя мало времени, — сурово смотрел Тадеуш. — Петрик, не видел брата Филарета?

— Того жуткого мужика? Вернулся с Заставы и сразу в оружейку. За ней рощица, он обычно в беседке сидит.

— Ты всё слышал, Родерик.

Мальчик выпрямился в струнку, показал язык Петрику и побежал через ворота в крепость.

Глава 3

Когда Родерик прибежал в оружейку, только двое казаков скучали за игрой в кости. Их мало занимал какой-то крепостной мальчишка, так что и вопросов они особо не задали. Остальные пировали за здоровье Великого князя, и отовсюду доносился перестук деревянных кружек, запах пшеничного пива и солдатская брань.

Раньше оружейка была храмом, и гобелены, висевшие на стенах, стыдливо прикрывали лики богов. Колонны изображали деревья, окна — дубовые дупла. Пройдя в широкие камен-

ные ворота, поросшие лишайником, и ещё шагов десять после них, Родерик оказался в рощице. Она будто бы стояла отдельно от остальной крепости. Казалась потусторонней, инородной. Затхлость дышала в деревьях, дощечках, когда-то бывших аккуратными тропинками к алтарям. С пышных ветвей свисали верёвочки с сухими фруктами, черепами кур и собак. Идолы утопали в толще рыхлой земли. Рощица была древней, и не снесли её по одной причине — страх. Суеверный страх перед божеством, что тут обитало или обитает по сей день. И всякий раз, когда случалось ненастие, люди несли сюда жертвы, чтобы задобрить его.

Но Родерик старался не думать об этом. Он шёл, едва отличая в траве заросшую дорожку, пока не оказался перед еловой беседкой. Она была огромна и напоминала развалины старого дома. Доски сгнили, потрескались, а с кровли спускалась густая лоза, закрывая помещение. Родерик оттянул цветочную шторку, запахло лавандой и ландышем, а из глубины беседки — чем-то кислым, палёным, как от долго горевшей падали.

Среди прораставших сквозь пол цветов на табуретке сидел рыцарь. Телом он был могуч, а от испещрённого шрамами лица мурашки бегали по спине. В светлых грязных волосах виднелась лёгкая проседь. Синие глаза не моргали, будто глядели на десятки и сотни смертей. Рыцарь выпрямился и направил взгляд на мальчика.

— Ты кто? — раздался низкий голос.

Невольно Родерик съёжился, захотелось убежать. Было что-то странное в беседке — во всей рощице. Ветер не дул, птицы не пели. Нехорошее предчувствие преследовало его. За полуразваленным заборчиком беседки стусилась темнота. Каждый угол обрамляла тень, из которой вырывалось нечто скверное. И даже свет, проникавший сквозь кровлю, тускнел под гнётом тёмной массы. В голову пришли слова капеллана. Мальчик стиснул зубы и заводил глазами, пытаясь унять страх. Он видел стопки мечей, грязные тряпки, следы крови и масла на полу, но тут в глаза бросилось яркое пятнышко под ногами рыцаря. Прямо у его ступни росла одинокая чахлая фиалка. Пожухлые на кончиках лепестки были насыщенного пурпурного окраса. Она гордо возвышалась из-за стыков досок, хоть тонкий стеблёк и склонился от тяжести бутона.

— Родерик, — промолвил мальчик, собравшись с мыслями.

Рыцарь снова сгорбился, продолжив начищать полуторный меч.

— Что тебе надобно... Родерик? — спросил он.

— В-вы — мастер Филарет?

— Так теперь называют, — кивнул мужчина.

— А я послушник в приюте. Хочу служить вам, мастер.

Филарет не ответил: из угла донёсся ещё один голос. Более высокий и вкрадчивый:

— Ох, как замечательно!

Родерик вздрогнул. Готовый встретить демона, он увидел, как из тени виноградников вышел моложавый опрятный мужчина. В отличие от Филарета был он приятной наружности, гладко выбрит и приветлив. Его светлые кудри укладывались в элегантную стрижку, на носу лежали очки. Изысканный серый камзол подчёркивал красоту незнакомца, а брюки, пошитые по фигуре, и пара башмаков с серебряными застёжками выдавали в нём человека не только богатого, но и благородного. Мужчина прищурился, глядя на Родерика.

— Наслышан об обычаях ордена, — начал незнакомец. — Смею предположить, вы посвящаетесь в рыцари, юноша?

— Вы правы, ваша милость, — поспешил ответить мальчик.

Родя волновался: перед ним стоял барин, не меньше. Всё — и манеры, и говор — выдавали в нём высокую особу.

— Родерик, я понимаю, — протянул руку загадочный человек.

Он дружески сжал его ладонь, соблюдая приличие и требуя того от Родерика. Мальчик стоял в замешательстве.

— А меня зовут Георгий Свиридов. Надеюсь, увижу тебя на церемонии, молодой рыцарь. Ну-с, не буду мешать, — самую малость наклонился барин, коснувшись пальцами бортика своей шляпы. — Откланяюсь! Подумайте, сир Филарет. Прощайте! — и вышел в рощицу, насвистывая мелодию.

Филарет недолго смотрел ему вслед, а когда он исчез за деревьями, заговорил суровее прежнего:

— А тебя кто прислал?

— Никто, — ответил Родерик, — я сам.

— Вот сам и уходи. За мной не нужно убирать горшок.

— Я пришёл не горшки убирать, — в сердцах воскликнул мальчик, но в последний момент прикусил язык. — Прошу прощения, сир...

Невозмутимо рыцарь отложил влажную, испачканную в крови и грязи тряпочку, и достал точило. Филарет ни на миг не отрывался от работы, словно бы и вовсе ни с кем не говорил.

— Не дерзи, малёк, — коротко предупредил он. — Зачем явился?

— Я сын рыцаря, как вы, мастер. Возьмёте ме...

— Нет, — перебил Филарет. — Уходи.

— Н-но... прошу!..

— Нет значит нет.

На последнем слове рыцарь провёл точилом по лезвию. Несколько искорок со щелчком бросились от кромки и чёрными пятнышками осели на лепестках фиалки, тянувшейся из гнилой доски.

— Пожалуйста, сир, умоляю! Вы не можете просто отказать!

— Могу. И отказываю, — и ещё пара чёрных пятнышек распустились на фиолетовом бутоне.

— Почему? Вам сложно меня обучить?

— Нет.

— Тогда почему? — сорвался на крик Родерик, на глазах заблестели слёзы.

Рыцарь отложил в сумку заточенный и начищенный до блеска меч. Его беспристрастный взгляд смерил мальчика, точно базарную лошадь, а затем кольчуга зазвенела, захрустели кости. Филарет не спеша поднялся во весь свой немалый рост. Его фигура нависла над Родериком. Он заговорил. Медленно.

— Ты не знаешь, о чём просишь.

— Знаю! — ответил мальчик.

Родерик встретился глазами с рыцарем. Он всеми силами пытался не отвести взгляд.

— Я хочу, чтобы вы меня учили!

— Учил чему? — лицо Филарета скривилось. — Убивать людей? Ты хоть запах крови нюхал, щенок?

Рыцарь ткнул его в плечо. Мальчик попятился.

— Чего молчишь? Ты просто глупый ребёнок, иди прочь.

— Я хоть пить кровь начну — только возьмите.

— Нет, — закончил Филарет. — Ты даже не умеешь слушать, учить тебя нельзя.

Родерик застыл, в бессильной злости сжимая кулаки. Его выводило из себя беспомощное положение и надменность старого ворчливого рыцаря. Однако больше всего злило, что Филарет мог быть прав. «Может, я не рыцарь? Может, матушка врала?» — думал он.

Тем временем Филарет уже собрал мечи в глубокую кожаную сумку. Он выходил из беседки. Доски скрипели под его ногами. Сумка позвякивала, ударяясь о спину. Сквозь кроны лип и лозу винограда пробились красные лучи, обозначая приближающуюся вечерню. А тени, что сначала играли формами на полу, слились в одно тёмное пятно.

— Постой! Ты! — закричал Родерик, тыча пальцем. — Будем драться. Моя возьмёт — берёшь в оруженосцы, твоя... Да что угодно! Хоть убей!

Филарет повернулся. На лице проскользнуло раздражение. Он нахмурил лоб, зажав пальцами переносицу, и пропедил:

— Какой же ты дурак... Я дам тебе ровно один урок.

Сумка съехала по руке и взметнулась в воздух, с грохотом рухнув перед ногами Родерика.

— Выбирай оружие, — сказал рыцарь.

Не думая, Родерик схватил тот меч, что недавно заточил Филарет. Он был тяжеловат. Слишком длинный для мальчишки. Ладони сжались вокруг рукояти. Остриё наклонилось в сторону Филарета. Тот смотрел прямо. Безучастно. Старый вояка не шевелил ни единой мышцей тела.

— Чего встал, дедок? — прикрикнул возмущённый Родерик. — Я своё выбрал!

— Я буду без, — монотонно проговорил он. — Нападай.

Мимолётную дрожь снесло потоком неожиданной решительности. Мальчик с воплем помчался вперёд, надеясь одним удачным взмахом порезать соперника. Время замедлилось, он ощущал и контролировал каждый шаг на пути к Филарету. Первый. Второй. Теперь он бежал, а меч то и дело кренило. Родерик с большим усилием удерживал его по линии удара, точно скотину за повод. Вот третий шаг остался позади. Силуэт рыцаря становился ближе и ближе. Родя занёс меч над головой и со всей дури спустил его вниз, будто рубил бревно. Он зажмурился.

Раздался глухой треск. Остриё меча вошло вглубь доски. А рыцарь словно испарился в воздухе. «Куда? Как?» — подумал Родерик. Мальчик водил глазами несколько мгновений, пока сбоку не заметил чёрную тень. Он вынул меч и собрался ударить, но резкая боль в виске сбила с толку. По щекам полилось что-то тёплое и вязкое. Голова закружилась.

С трудом удерживая оружие, Родя огляделся. Он еле стоял. Один глаз опух и не видел, второй едва различал очертания беседки. Вдруг боль сдавила рёбра. Мальчик выронил меч. Дыхание перехватило. Желудок и лёгкие всосались внутрь. Он упал на четвереньки. А в следующий миг тяжёлый удар впечатался в нос и губы мальчишки. По инерции он откинулся на спину и покатился по полу беседки. Ещё долго Родерик корчился на досках, силясь вдохнуть, пока глаза не заволокло чёрной пеленой.

Мальчика мутило, бросало в дрожь и разрывало от боли. Он пытался открыть глаза, но всё было залито тьмой, и только редкие образы бросались из неё. Косой домик, заваленный снегом, вечерня в приюте, вкус зажаренного поросёнка. Всегда хмурый Тадеуш. Бледное лицо мамы. Всё проносилось мимо, хлопалось в голове, как смола в горящих брёвнах.

Так же резко Родерик пришёл в себя. Он лежал у табуретки. Зрение было мутным. Ничего дальше носа не виделось. Грудь ныла от тянущей боли, опухшее лицо горело и пульсировало. Родя поднял руку. Его ладонь казалась сплошным сгустком грязи. Среди царапин, крови и налипшей земли выделялось лишь крохотное фиолетовое пятнышко. Будто лепесток, размазанный наотмашь. Фиалка. Тот цветок, что чах под ногами Филарета. Мальчик раздавил его, когда падал. Сбоку слышались неровные шаги. Донёсся скрежет металла о дерево. Родерик повернул голову и увидел, как поодаль навис высокий тяжёлый силуэт.

— Очнулся наконец... — раздался низкий голос.

Родя сразу понял: это был Филарет. За мыслями он и позабыл, что скоро отправится в могилу. Мальчик проиграл. Помимо крови, по щекам забежали слёзы.

— Вставай, малёк, — неизменно холодным голосом сказал рыцарь.

Кряхтя, Родерик поднялся. Рыцарь-командор медленно приблизился к нему, не выпуская меч из рук. В двух шагах остановился. Взгляд мужчины был такой же жёсткий и бесчувственный. Родерик хотел ещё раз попроситься в оруженосцы, но слова встали комом в горле. Чувства никак не унимались, только слёзы вырывались из глаз вместе с соплями и всхлипами.

— Вот мой урок.

Над головой рыцаря сверкнула сталь. В ушах прозвенел короткий свист, и острая боль рассекла лицо мальчика. Нос наполнила кровь. Она перемешалась со слезами и стекла на рубаху сироты. Родя даже не успел закричать, как рухнул на доски, сбив табуретку. Кровь и слёзы оросили цветы, прораставшие сквозь гниющий пол.

Паршивый гусар

Глава 1

Солнце било в глаза. Под взором красного огненного диска кроны деревьев уходили вдаль, к подножиям гор. Верхушки сосен собирались гладью, а между ними проглядывалась петляющая дорога. Большой мощёный щебнем тракт тянулся к слободе Анна, и меньшие дороги отходили среди чащи — какие на Запад, к Аскермену, какие на Восток, к Гучартану. А посреди колючего лесного одеяла раскинулось Козье озеро, такое же зелёное, как всё вокруг. В него впадали таинственные воды Безмолвной реки. Озеро — мёртвое, где не водилось ни рыб, ни животных, а только плотные гущи водорослей — блестело на свету, отчего издали напоминало глаз с вереницей сосновых ресничек.

Ранним утром пастухи пригоняли сюда коз. У заросшего мхом берега животные утоляли жажду, и их белая шёрстка бросала красные блики в лучах рассвета. С высоты казалось, будто глаз взирает на них, с опаской ожидая момент, когда они его осушат. Но время шло, а Безмолвная река всё текла и текла, неумолимо наполняя мёртвой водой Козье озеро. Солнечный диск, точно заплывший за веко зрачок, сначала возникал на его глади и постепенно склонял свой взор на Митридатовы пики.

Кавалерист, немолодой гусар Громыслав Праж, шурился, глядя в ненавистные сосны. Он надеялся увидеть этот таинственный глаз, что столько раз провожал его в путь от крепости к слободе, но была лишь зелёная муть воды. Губами он приминал папиросу, выпуская красноватый под солнцем дымок. На лице застыло выражение полного равнодушия. Казалось, ничто не волновало ум мужчины. Лишь время от времени он с презрением одёргивал воротник мундира, смахивая ладонью проступивший пот. Только в такие моменты его губы напряжённо сжимались, а на впалых щёках проступали складки. Была жаркая рассветная заря, предвещавшая скорый дождь. Глаза слипались. Гусары позади него горбились, покуривая; писцы лениво зевали.

На подъездах крепости, под самыми Пиками, стоял конвой, ожидавший скорый приезд князя. Во главе на буром скакуне сидел Клемен Бурзаков. Одетый в расшитый золотом чиновничий камзол, он смотрел в трубу куда-то за горизонт. Гусар, напротив, был одет скромно: на старых сапогах осталась засохшая грязь, потёртая шинель пропахла дымом. Чиновник был рослый и крепкий, толстый и неприятно обрюзгший мужчина, а вот гусар — худощав и невысок. Вместе они напоминали карикатуру, хотя были одного возраста — тридцати пяти лет.

— Чего молчишь, хмуришься, Громыслав? — обернулся Бурзак.

Лицо Клемена расплывалось в улыбке. Потомственный помещик, он свысока смотрел на гусара. Громыслав втянул дым папиросы. Тлеющая полоска на бумаге поднялась выше, обжигая губы.

— Нечего сказать, — махнул он, выпуская дым ноздрями, — думаю, рожа у меня кривая — не к лицу мне улыбаться.

— Ха! — выпалил Клемен. — Чай, за чувство юмора тебя разжалуют не в рядовые... может, в сержанты? Где ж пропадает Его Высочество, как считаешь?

— Пьёт. Или сношает бабу в слободе, — Громыслав сплюнул окурок. Пошевелил усами, шмыгнул носом. — Всё лучше нашего.

— Хам ты, капитан. Но, проказа, прав. Одно счастье: комары в горах не водятся. Не то б ныли мои обкусанные лодыжки. Хорошо горы всякую тварь да мошкарку отпугивают. Одни смелые создания лезут так высоко, а? Вот бы и на людей оно работало...

Клемен со значением глянул на Громыслава. Гусар подёргал челюстью из стороны в сторону, унимая боль. Костяшки похрустывали. Его усы при этом характерно шевелились.

— Как всегда в точку, — ответил он, — кровососов в крепости многовато. Глядите, царские штандарты.

Далеко среди деревьев, пошатываясь, двигалось знамя. Полотно развевалось на ветру. Клемен глянул в подозрную трубу. На белом поле виднелись оскаленная морда барса и крапинка из маленьких сосен — герб дома Барысовских.

— Князь!.. — воодушевлённо подытожил Бурзак. — В уделе беспорядок. Представитель царской власти будет кстати.

Гусар усмехнулся. Он вынул из кармана ещё одну папиросу, зажал между зубами. Рука нащупала в подсумке длинную щепку.

— Смешно, смерд?

— Нисколько, — ответил Громыслав, поджигая лучину в масляной лампе. Прикурив и с облегчением выдохнув горячий табачный дым, он продолжил: — Боюсь, этот человек не тот, кто вам нужен.

На этих словах гусар лёгким движением губ задул лучину, убрав в седельную сумку:

— Знал этого князя. Да вы и сами слышали: человек он не лучший.

— Не желаю слушать скудоумные рассуждения, — Бурзак прервал его резким жестом. — Князь — это символ. Одно его присутствие поставит на место Хаджимуридов. Ты уже разузнал об этой мерзкой шлюхе?

Гусар кивнул.

— Имира дочь Ядыгара... Ну знаете, того самого. Его ещё генерал-губернатор, — вместо слов Громыслав провёл пальцем по шее. — Думаю, гиблое дело.

— Думать — это не твоё. К Абодату у неё любви не больше.

— Но с ним она трахается. А по доносам, ещё и подыскивает новых жён.

— Новых шлюх, — презрительно фыркнул Бурзак. — Побеседуй с ней.

— Девушка её статуса не захочет общаться с лавочником.

Бурзак в гневе развернулся.

— Какой может быть статус у нойонской потаскухи? — вспыхнул он.

— Она из другого племени.

— Мне плевать на их дикарские племена, до тебя не дошло ещё? — Бурзак поднял руку, ткнув указательным пальцем. — Пусть хоть царь-батюшка её в задницу пускает, она была, есть и будет дикаркой. Я отдал приказ, не твоего ума дело — спорить.

— Вас понял, — склонил голову гусар.

— Что-то ещё?

Громыслав бросил окурок и чуть погодя кивнул помощнику.

— Скажу, пока вы в настроении: у нас тут инцидент случился. Помните Горемана? Его Пулушкой кличут.

— Нет. Вас, торгашей, как крыс в порту.

— А зря, этот коротыш нам делает прибыль. За ним крупнейшая гильдия в уделе, обороты гигантские.

Бурзак брезгливо махнул рукой.

— Ты опять о том деле? Не беспокой меня копошением червей в навозе. Подождёт — не рассыпется.

— С вашего позволения, — Громыслав мягко улыбнулся, — уже дождались. Ночью гильдейцев Горемана перебили: парни шли с Заставы Гордия с полной поклажей товара.

— И что дальше? Бежать разбираться? Какое мне дело до их мелких дрызг? — ехидно ответил чиновник.

— Пушнина, кишки, мозги, клыки и другие потроха, может, даже человеческие, скорее всего уже проданы, а пошлина прошла мимо нас. Товар не приехал в слободу, золото с этого добра греет карман кому-то другому.

— Кому?

— Вы мне, конечно, запретили, но я думаю, что Абодату.

Бурзак цокнул, но, кажется, совсем не был раздосадован.

— Есть доказательства?

— У меня есть голова на плечах, — ответил Громыслав. — Мы месяц щемим торговлю хлопком, а это его житница. Нужно ехать на место: могли остаться зацепки.

— Утомись, — поднял ладонь Бурзак. — Место никуда не денется. Мы ждём князя.

Громыслав тяжело вздохнул. Его лицо было спокойным, но внутри он разрывался от злости. Он перебрал в голове слова, зашевелил глазами в поисках подсказок. Солнце било лучами по верхушкам сосен, озеро бросало блики, а над широкой дорогой пролетали вороны, издали похожие на точки.

— Тракт, — с осознанием произнёс Громыслав. — Тут только один путь до слободы. Где-то там лежит куча трупов.

Громыслав указал на дорогу, а затем поднял палец выше, где среди деревьев виднелся княжеский стяг. Неожиданно рубаха затянулась на шее, шинель смялась и его потянуло в сторону. Ноги выскочили из стремян, а лошадь разразилась тревожным ржанием. Спустя мгновение перед Громыславом возникло красное, кривое от злости лицо Бурзакова. Он буквально поднёс его к себе и так сильно сжал одежду, что костяшки пальцев побелели. Одной рукой чиновник стянул Громыслава с коня, и тот еле удержался ногами о седло.

— Какого дьявола ты молчал? — голос Бурзакова был тихий.

В следующий миг Бурзак отбросил гусара. Громыслав повалился на лошадь, животное дёрнулось, затопало копытами. Лошадь проскочила вперёд, взметнув рыхлую влажную грязь. Гусар стукнулся оземь. Послышался смех офицеров.

— А ну заткнулись! — взревел гусар.

Он поднялся, исподлобья поглядел на заносчивых розовощёких юнцов. Те умолкли. В лицах молодых дворян не читалось ни капли уважения, но Громыславу было достаточно страха. Он выглядел грозно: испачканный в земле, с перебитым носом, косой челюстью и безобразным шрамом вдоль щеки — вчерашние гимназисты не могли и дышать перед ним. Громыслав сплюнул пыль.

— Так едем? — нетерпеливо спросил он Бурзакова.

Бурзак махнул рукой. Раздался протяжный глухой вой трубы. Прапорщик поднял знамя удела — две перекрещённые пики на зелёном поле, — и процессия двинулась к слободе. «Теперь кровососов прибавится», — подумал Громыслав.

Глава 2

Глаза были мёртвые, пустые. Они молчаливо смотрели в хмурое небо, где голодные птицы кружились над листвой. Солнце едва виднелось за деревьями, и лесной мрак накрывал место бойни. Тела как куклы были разбросаны вдоль дороги. Пустая обгоревшая телега скатилась в чашу, а по засохшей крови муравьи бежали вереницей. Труп перед гусаром тоскливо припал к сосне, словно зачарованный. От горла по жёлтой кромке жилета тянулась ярко-красная полоска. Он умер мучительно, не сразу: руки бессильно лежали на траве, у живота, на серой рубахе, разрослось тёмное бордовое пятно, лицо было синее, а изо рта несло гнилью. Стояла вонь, и тысячи мух невыносимо жужжали. Громыслав достал перчатки и платок из карманов шинели, присел.

— Эх, Полька, — вздохнул он, надевая перчатки.

— Твой друг?

Рядом встал помощник Громыслава — Степан, высокий дородный солдат. Он был из крестьянских детей и служил по рекрутчине.

— Нет, — махнул гусар.

Он достал из внутреннего кармана фляжку. Резкий запах спирта перебил зловоние. Громыслав, запрокинув голову, сделал два больших глотка. Водка обожгла рот, а в груди разгорячилось.

— Знал его, — добавил он, рукавом обтирая губы. — Командир их отряда.

Гусар смочил платок, обернул вокруг носа. Он был спокоен и сосредоточен. Умелыми движениями мужчина вывернул карманы покойника, обшарил штанины, рукава, проверил зубы и ногти:

— Кольцо, — бормотал он, — трубка, кошель, табак, часы... рабочие.

Под рубахой Польки Громыслав нащупал конверт. Он вынул из скрытого кармашка промокший явно старый лист. Молча гусар передал бумагу помощнику. Солдат пробежался глазами.

— От жены, — ответил он. — Пишет, чтоб не возвращался. Видать, накаркала.

— Полька был той ещё тварью.

— Всё равно жаль.

Солдат скомкал листок и выбросил в траву, где лежали сырые, испачканные в порохе ружья. А затем пнул одно из них.

— Сука! — сплюнул он и отвернулся. — Весь отряд положили. Тут человек двадцать, не меньше. Чьих они?

— Полушки Горемана из второй гильдии.

Громыслав оглядел значок на поясе Польки. На серебряном жетоне с отлитой мордой гуля была гравировка — «ЗТД», Западный Торговый Дом.

— Если б где-то за Гордием, я бы не удивился. Но здесь...

— Снова горцы?

Под рубахой гильдейца между третьим и четвёртым рёбрами зияло засохшее отверстие. Горелая кожа облепила его слоем коросты. Пулевое ранение.

— Для племён ружьё — инструмент трусов. Их бы порубили, как свиней, будь это горцы.

— После войны всё поменялось, капитан. За двенадцать лет военного положения и стрелять научишься.

Гусар не ответил. Он посмотрел на истоптанную дорогу: трава в округе была примята, присыпана изрытой копытами землёй. На рыхлой почве остались следы полусотни лошадей. Нападали явно с холмов, когда караван проезжал через ложбину. Лес здесь оканчивался, и с другой стороны виднелось Козье озеро. С берега оно напоминало море, тихую зелёную равнину. Редкие сосенки склонялись над водой, а за ними бескрайнее небо. Гусар снял заляпанные кровью перчатки. Темнота давила на голову.

— Мрём как собаки, — не унимался Степан. — Там жрут чудища, здесь режут туземцы. И всё ради каких-то кишок.

— Забудь, — поднялся с корточек Громыслав. — Гильдейцы поголовно сучьи дети.

— Батяка мой тоже был гильдейцем.

Гусар ухмыльнулся:

— И как оно?

Солдат лишь потупил взгляд. Громыслав спрятал в сумку кошель, кольцо с часами и, хлопнув его по плечу, пошёл дальше.

Работа кипела. Широкая иссиня-красная полоса нависла над белёсой линией горизонта. Чернеющие тучи поджимали солнце, и как тени по земле, на фоне неба сновали блёклые силуэты солдат. В утренних сумерках шастали они между телами. Влажная почва чавкала из-под сапог. Лошади фыркали. Вороны галдели. Поодаль, на холме, верхом сидели офицеры. Фонари освещали их лица — у кого беззаботные, у кого скучающие. Гомон заглушал округу. Смех, ругань, пустые беседы. И даже шорох волочимых по траве мертвецов не отвлекал их от спле-

тен. Только капитан равнодушно наблюдал, как у озера постепенно выросла куча из порубленных, пострелянных тел.

— Фига чего нашёл! — вдруг воскликнул басом один солдат, совсем молодой парнишка.
— А чего оно? Мягкое...

Он вынул из руки покойника бумажный свёрток, который со всех сторон облепили муравьи. Стряхнул их ладонью.

— А ну покажи, — подошёл к нему другой.

Тот хмыкнул, разглядывая загадочный предмет, а затем осторожно, как дворняга, принюхался.

— Вроде не пасёт? — вопросительно посмотрел он на приятеля и аккуратно лизнул прямо из рук. Глаза округлились. — Как мёд!

Второй тоже попробовал. Их будто осенило откровением. Они в несколько мгновений растащили сладость, пальцами смазывая растаявшую плитку.

— Это шоколад, идиоты! — приказным тоном закричал Степан.

Они с капитаном были в самом центре работы. Степан сурово глядел на солдат.

— Почему ружья на земле? У вас приказа нет?

— Будет тебе, Степаша! — залился смехом офицер.

С холма спускались двое всадников. Один из них скакал впереди, сидел с благородной выправкой. Громыслав узнал в нём Геррхарда Павлова, близкого соратника Бурзакова. Синяя шинель была приталена, на португее гордо висела шпага с позолоченным эфесом.

— Когда ещё такое выпадет, да, ребят? — мигнул он глазом, подъезжая.

Солдаты без задней мысли закивали. Офицер вдохнул полной грудью утреннюю лесную прохладу.

— Какое чудесное утро!

из-за спины Павлова показался Линьков, низкий чванный писарь, советник Бурзакова. Он поднял фонарь над головой, на красном лице застыло недовольство.

— Надо прорубить лес, ни черта не вижу. Нашли чего? — спросил он Громыслава.

— Пятьдесят всадников. Примерно.

— Ерунда, — жёстко отрезал чиновник.

Громыслав покачал головой. В челюсти вновь заныло.

— Отнюдь... — подёргал он усами. — Аж пятьдесят. Слишком мало, чтобы нагнать, слишком много, чтобы оставить.

— Чьих? — коротко спросил Герр.

— Чёрт его знает.

Гусар непроизвольно достал папиросу. Пульсирующая боль сковала мысли. Он зажал губами скрутку.

— Будь добр, — кивнул на фонарь.

Линьков открыл створку и поднёс гусару. Щёки обожгло горячим воздухом, бумага вспыхнула и задымилась, и терпкий смоляной дым наполнил лёгкие. Боль ушла.

— Господин Клемен зол, — начал писарь, затем уставился своими чёрными глазёнками прямо на Громыслава. — На тебя.

Голос у него был гнусавый. Сальные волосы прилежно зачёсаны, а на камзоле ни единой пылинки, будто только почистил костюм.

— Боюсь, вынужден внести сей инцидент в отчёт для генерал-губернатора.

Линьков поправил лацканы. Он задрал подбородок, стараясь свысока смотреть на Громыслава. Гусар ухмыльнулся. Он перевёл взгляд на холм, где старшие офицеры когортой собрались около Бурзакова. Они что-то воодушевлённо обсуждали, махали руками по направлению к слободе. Громыслав плюнул под ноги писарю и выдул в лицо струю дыма.

— Это тоже занеси в отчёт. Тут парней порезали, как собак, а ты, кажись, больше о костюме думаешь... Надо снарядить отряд, пустить по следу — выкурим сучьих ублюдков из леса.

Линьков замахал головой.

— Нет, нет и ещё раз нет, — нервно поправил тот очки. — Господин Клемен дал мне иные указания.

— Я с ним поговорю.

Герр подогнал коня. Скакун фыркнул и преградил путь гусару. Глаза Павлова улыбались в прищуре, а ладонь непринуждённо, как будто случайно, обхватила рукоять шпаги.

— Не спеши, капитан, — поставленным голосом сказал офицер.

Его мягкие янтарные зрачки смотрели расслабленно, но под точёными скулами ходили желваки. Линьков кивнул в благодарность.

— Господин Клемен не расположен к общению. Говорите со мной, если есть возражения.

— Ну и чего хочет Бурзак?

— Согласно высокому указу наместника Дворца искусств Клемена Бурзакова, вам надлежит... эм... «избавиться»... от этого, — чиновник замаялся и повёл фонарь в сторону кучи трупов.

— Здесь их закопать?

— Это кощунство! — встрял Степан. — Их надо увезти в крепость.

Линьков проигнорировал солдата.

— Боюсь, с такой задачей ваши люди провозятся полдня, — ответил он Громыславу. — Господин Клемен настоял на срочном решении вопроса. До приезда князя здесь не должно быть ни тел, ни могил. Он хочет...

Линьков притих и беспокойно оглянулся на двух солдатиков, что с перепачканными ртами слушали разговор. Чиновник одёрнул воротник от вспотевшей шеи, и нагнулся к Громыславу.

— Утопите их... — шепнул он на ухо гусару.

Голос у него был сдавленный. Взгляд кратко пробежался по лицу Громыслава, а затем упал на озадаченные лица солдат. Внезапно Степан схватил чиновника под грудки. С размаху он врезал тому по челюсти. Очки слетели с круглого лица. Солдат стянул Линькова на землю.

— Ты чего молотишь, бес? — закричал он. — Людей топить?

Линьков залепетал, прикрылся руками.

— Нет... нет!

В следующий миг ещё один хлёсткий удар пришёлся по скуле чиновника. Солдат замахнулся на третий. Неспешной рысью конь Павлова проскакал вперёд, лезвие мелькнуло в воздухе. Точным взмахом Герр порезал щёку солдату. Степан согнулся, замычал. Кровь быстро растеклась, закапала с подбородка, побежала по шее. Красный, он обернулся и увидел острие шпаги, смотрящее ровно ему в переносицу.

— Под трибунал захотелось? — широко улыбнулся Павлов.

На короткий миг Степан дёрнулся, но сразу отступил назад. Шпага остудила его пыл. Он оглянулся по сторонам, осознавая своё положение. Офицеры смотрели на заварушку. Солдаты бросили работу. Побитый Линьков судорожно искал в траве очки.

— Нет, — ответил он, переводя сбитое дыхание.

— Умереть? — вновь спросил Герр.

Офицер прижал кончик шпаги к выступающему кадыку. Кожа натянулась, вдавилась. Красная точка проступила под серым металлом. Степан сглотнул слюну и медленно произнёс:

— Эта вода, — указал он на Козье озеро. Его синие глаза неотрывно смотрели то на лезвие, то на Герра, — поит город. У меня там мать с сёстрами.

— Так что ж, нам топить мертвяков, что ли? — вдруг раздался голос среди солдат.

Павлов посмотрел вниз, на ложбину. Потные, перепачканные и совершенно потерянные люди взирали на него. Около полусотни недоумённых глаз.

— Чего уставились?

Толпа разразилась робким шёпотом. Они переглядывались, тихо спорили, а затем откуда-то из густи народа родился выкрик:

— Мы пьём из той воды!

— А у меня дети в слободке! — поддержал другой голос.

— Верно!

— К чёрту гильдейцев, пусть тут гниют!

Вскоре отдельные выкрики переросли в общий. Недовольные солдаты махали кулаками, кидали руками в сторону офицеров. Один из солдат прошёл к Герру. Он тыкал указательным пальцем в небо, губы его собрались в трубочку.

— Бо-о-огу противно, — кричал он. — Предки нас проклянут!

Раздался выстрел. Ошмётки костей с влажным звуком разлетелись по траве. Солдат, что подошёл к Герру, безжизненно упал на спину и сполз по покато́й земле. Его обезображенное лицо оказалось у ног товарищей.

— Проклятый язычник. Вы солдаты или стая сук? — прокричал Герр. — Галдите, как бабы на рынке.

Гул замолк. В нос ударил жжёный запах серы. Офицер спрятал дымящийся пистолет в кобуру под шинелью. В огнях фонарей блеснула его элегантная короткая борода.

— Исполнять приказ, — с наслаждением сказал Герр. — Или каждого пушу под шпагу.

Робкий шёпот сменился тревожными взглядами. Солдаты растерялись, не знали, что делать, и тогда они, один за другим, обратили взгляд на капитана Громыслава. Герр тоже повернулся. Громыслав сплюнул окурок. Не проронив и слова, он двинулся к озеру.

Трупы воняли, как сточные канавы Гучартана. Навозная куча встала перед гусаром. Куча из пороков, грязи и мяса, где скоро начали бы копошиться гнильные черви. Он чувствовал взгляды людей за спиной. Напуганные. Злые. Молящиеся. Земля под телами пропиталась кровью, и мёртвые, свесив челюсти, наблюдали за воронами, притаившимися в листве.

— Топим, — сказал он солдатам. — Оттого, что поляжете здесь, жёнам с детьми лучше не станет.

Громыслав присел, взял Польку под ноги и поднял, как мешок зерна. Не дожидаясь ответа, он первым понёс тело. Под ногами шелестела трава, трещали опавшие сучки. Было тяжело шагать. От запаха в голове кружилось. Тошнило. Стиснув зубы, гусар доковылял до берега.

Нога стукнулась о холодную гладь. Вода плеснула, и круги широкими полями разбежались по поверхности. Она наполнила сапоги, пропитала рейтузы. Вязкая донная глина облепила ступни. Толща рассекалась от тяжёлых движений, поднялась по бёдрам, животу. Подступила к груди. И темень леса постепенно отступила. Зайдя по плечи, гусар спихнул Польку с плеча. С грохотом тело плюхнулось, обдав прохладными брызгами. Гильдеец пошёл ко дну. Пузырьки вырывались изо рта, из носа, пока его безжизненное лицо скрывалось под рябью воды. Гусар толкнул тело к глубине. Течение схватило Польку. Понесло его за изгибы берега, за сосны, склонившиеся над озером. И лишь красное солнце осталось в отражении. Огненный глаз, что устремил свой испуганный взгляд на Громыслава. Утро вошло в свои права, но уставший гусар упорно видел лишь надвигающийся закат.

Мокрый, вспотевший, он обернулся. К облегчению, увидел, как Степан следом тянул по воде ещё одного — того бедолагу, что пристрелил Герр.

— Здесь бросайте, — крикнул Громыслав солдатам. — Дальше берег резко обрывается.

Прогремела труба. Лошади зафырчали, и огни на холме двинулись в сторону слободы.

— Вот кто сучьи дети... — сказал Степан, скидывая тело. Кровь сочилась по его щеке, точно слёзы. — Надо сообщить своим: пусть пьют только вино.

Громыслав засмеялся, наблюдая, как удаляются в чаще фонари конвоя. Он хлопнул помощника по спине и зашагал к берегу. Солдаты линией шли мимо него. Их слаженное движение создавало поток воды, который, будто отлив, тянул на глубину. В челюсти ломило: из кармана шинели гусар вынул дублённый мешочек, расстегнул застёжку. Папиросы плавали в бульоне из табачных листьев. Бумага потрескалась. С досадой Громыслав вылил скрутки, и течение унесло их назад, где хлюпала мёртвая вода, вбирая в себя всё больше и больше трупов. Они ударялись о поверхность, словно камни. Их равномерный треск давил на уши. Один. Ещё один. Третий. Четвёртый.

— А знаешь, ты ведь совсем как настоящий дворянин, — произнёс знакомый голос.

На берегу верхом сидел Герр Павлов. Улыбка сошла с его губ, оставив спокойный рассудительный взгляд. Он подогнал коня в воду, приблизился к Громыславу.

— Делаешь то, что должен, — продолжил он. — Хотя всего-то сын купца.

— Я давно понял, что чернь для знати. Комплименты будут?

— За красоту я хвалю только женщин, но... ты тоже ничего, — подмигнул Герр.

Мужчины рассмеялись. Офицер достал серебряный портсигар, нажал на кнопку. Показался ряд хороших заморских сигар. Павлов взял одну из них и раскурил о фонарь.

— За такие не жалко убить, — сказал он, выдыхая терпкий дымок. — Сильно Полушка расстроится?

Он передал сигару.

— Побольше Бурзака, — ответил Громыслав. — В городе председатель второй гильдии. Какой-то Дитрихт. Их крепко достал Абодат. Ты почему остался, решил помочь?

Герр покачал головой.

— Не люблю пачкать руки. Бурзак поручил тебе ещё кое-что.

Гусар вопросительно посмотрел, смакуя во рту вкус табака.

— Сегодня суд над Глобергом. Скажем так, Бурзаку лень разбираться, так что будешь ты. Громыслав сплюнул. От злости у него заболела голова. Он зажмурился.

— Что ещё? Бурзаку лень трахать жену? Я готов.

— Не кипятись, — засмеялся Герр, — я тебе помогу.

Глава 3

В крепости после утреннего дождя стоял чудесный летний день. Сквозь открытые ставни в ратушу дул ласковый ветер. Ароматный кедр шумел во дворе. Солнце пробивалось из-за его пышных ветвей, отбрасывая пятнистые тени на стол. Роскошный, выкрашенный в белое, кабинет был наполнен людьми. Юристы сновали через открытую дубовую дверь. Старые, сухие судьи писали документы, молодые клерки носили кипы бумаг. По стенам тянулись ряды шкафов, набитых упаковками постановлений, а посередине — от входа до окна, где сидел Громыслав — тянулся лакированный стол из красного дерева.

Гусар, в нетерпении и злости, ковырял ножом отверстие в столешнице. Его бесила эта волокита. Рядом раскинулся на кресле майор Герр с сигарой. Он улыбался, демонстрируя белоснежные зубы. В руках он держал четыре карты. Хорошие или плохие — Громыслав не знал. Офицер взял две из них и закрытыми положил на стол:

— Два офицера, — сказал он.

По другую сторону от Громыслава сидел полковник Илья Рудкин, крепкий, приземистый мужик сорока пяти лет. Его губы напряжённо сжались под серыми пышными усами. Он почёсывал щетину, потёр лысину на голове, задумавшись. Рудкин всегда долго думал, особенно когда ставил деньги. По центру стола лежала кучка серебряных рублей.

— Ещё один офицер, — произнёс наконец полковник, у него был низкий гортанный голос.

Он тяжело поднялся и воткнул карту поверх герровских. Стол слегка повело в сторону, когда живот Рудкина вписался в кресло. Ход перешёл к судье Прокопову. Худой, среднего роста мужчина посмотрел на карты сквозь стёклышки очков.

— Не верю, — сказал он Рудкину. Карие глаза смотрели беспринципно и холодно на седого полковника.

С досадой Илья махнул рукой.

— Ладно, бери мою ставку.

Герр рассмеялся. Судья без тени эмоций забрал из кучи двенадцать рублей. К себе в книжечку он сделал пометку.

— Итого, за минусом моей ставки, двадцать пять. Вы будете продолжать, господин полковник?

— Да! — недовольно ответил Рудкин и вывалил ещё двенадцать рублей на стол.

Судья не подал виду, но его глаза с едва прикрытым удовольствием задержались на деньгах. Их беседу прервал Громыслав.

— Ещё раз, что я здесь делаю?

— Портите имущество, очевидно, — сказал Прокопов, глядя на поцарапанный стол.

Громыслав бросил нож в сторону. Судья продолжил:

— Нам нужен военный высокого чина, чтобы взыскать штраф с лейтенанта Глоберга. Хотя, если быть откровенным, я не имею ни малейшего понятия, причём здесь вы, капитан Праж.

Герр добрал карты, затянул сигару.

— Клемен занят свадьбой. Громыслав его представитель. Вам ведь нужен судья на заседании?

— Нужен был представитель высшей власти! — повысил тон Прокопов. — Мориля Глоберг принадлежит к графам Северной марки. Его не может судить обычный юрист.

— Громыслав не обычный юрист. Он гусар.

Из-под усов Рудкина вырвался смешок, который он тут же проглотил. На лбу Прокопова собрались складки. Тёмные глаза осудительно уставились на офицера.

— Суд не совершенен, — сказал судья. — Высокородного судит только высокородный не по закону, но по общественному консенсусу. Над Глобергом по большому счёту власть имеет только генерал-губернатор.

— Да-да, слышал, — ответил Герр. — Мне Игельстрома притащить?

— Достаточно было наместника — Клемена Бурзакова, господин майор, — заключил Прокопов.

Герр пожал плечами. Судья вздохнул, качая головой. Он добрал карты. Рудкин добрал следом.

— Три солдата! — поставил полковник перед Прокоповым.

Громыслав глянул сначала на Рудкина, затем на Павлова:

— Давай ты будешь судьёй, или ты.

— Ссорится с Глобергами? Увольте! — ответил Павлов, полковник одобрительно кивнул. — У Мориля состояние в сто тысяч золотых рублей. Большой красивый кошелёк, пусть и колючий.

— Если бы только оно, — заметил Прокопов. — Таких смутьянов ещё поискать.

— И вы хотите его осудить? — спросил Громыслав.

— Осудить? Я хочу соблюсти принцип законности. Ещё два солдата.

Ход перешёл к Герру. Майор сразу поставил карту.

— Солдат, — сказал он и пододвинул стопку к Рудкину.

— Законность, — продолжил судья, — это когда ты подчиняешься не человеку, не оружию или господину, а принципу! Общему для всех закону. Подчиняешься точно так же, как природе — естественно.

Гусар усмехнулся.

— И кто меня заставит? Оружие и люди?

— Поначалу, — согласился судья. — Но затем, собственное естество. Ты привыкнешь подчиняться закону.

— Глоберг, вижу, привык.

— С этим пока туго... — почти с грустью, как будто самому себе сказал Прокопов. — Об обвинительном заключении можно забыть... Без высокородного судьи Мориль не подчинится приговору.

— За что его судим?

— Порча имущества.

Полковник долго думал, смотря то на Прокопова, то на Павлова. В уме он считал карты.

— Верю! — наконец решил Рудкин.

Герр раскрыл верхнюю карту. Король.

Душный зал был разделён на четыре трибуны. У дальней стены, где массивные двери отворили в коридоры ратуши, стоял помост. В три ряда скамьи поджимались к окрашенному в белый кирпичу. Панели из тёмного дуба накрывали нижнюю половину стен. Перед первым, самым низким рядом тянулись дубовые перила, ограждая суд от зрителей. Народ под завязку набился в помещение.

У правой стены находилась трибуна обвинения. Горстка юристов восседала за массивным столом, разложив кипы бумаг. Они носили чёрные мантии и шапероны. Лица у них были приученно суровые, пальцы собраны в кучку, готовые в любой момент схватиться за перо.

Напротив, у левой стены за таким же столом сидел подсудимый. Он был молодой лейтенант, с красивой выющейся золотом шевелюрой; в парадном синем мундире с красными лацканами, обшитыми канителью. Из-за подстоля выглядывали его роскошные остроносые сапоги с серебряными шпорами. Он был гладко выбрит, с толстыми алыми губами, с серьгой, повисшей между локонами. А умиротворённые голубые глаза скучающе рассматривали подстриженные ногти. За трибуной он был один, от защиты отказался. Видать, знал, что наместника не будет, и поэтому совсем не боялся.

Гусар сидел за высокой судейской трибуной вместе с Прокоповым. Чуть ниже, по левую сторону от них, сидели Рудкин и Павлов. Ещё ниже, по правую сторону, вёл протокол заседания молодой прыщавый писарь. Громыслав обвёл толпу обречённым взглядом. Стоял гул обсуждений и смешков. Бегло он оценил публику, пока глаз не упал на центр зала, где на кафедре встала молодая исхудалая от переживаний девушка, совсем не привычная к выступлениям.

Она смущённо, пугливо смотрела на судей. Как мышь в клетке, девушка сжалась за перилами. Спина согнулась, будто она старалась прижаться к земле, глаза косились в сторону, на Глоберга. На предплечьях, за рукавами льняного платья, виднелись синяки, а на пухлых щёках и бескровных губах ещё не сошли ссадины побоев.

— Представьтесь, — сказал Прокопов.

Толпа утихла. Бумага зашуршала под пером писаря. Неумело девушка поклонилась.

— Н-Настасья, — надломленным голосом сказала она.

Прокопов кивнул, прочистил горло и начал читать формулировку из толстой пыльной книги.

— Вы клянётесь, — стены отдавали эхом от его голоса, — перед ликами Святых Отцов, в присутствии благородных присяжных, — юрист кивнул на Герра и Рудкина, — и представителей власти Царя в лице уважаемого суда, что будете говорить только правду?

Голова Настасьи дёрнулась. Она потупила взгляд, сжав ладони на подоле платья.

— Да.

Судья захлопнул книгу и передал клерку, стоявшему позади.

— За сим считаю процедуру обвинения действительной.

Клерк передал лист, с засохшей печатью на красном сургуче. Прокопов продолжил читать:

— На этом документе за печатью прокуратора Удела, Алеша Зубковского, занесены слова обвинителя. В вечер со дня предтечи Якова сего года лейтенант Мориль Глоберг с неустановленными подельниками оглушили и затащили в амбар казачку Настасью, где принудили к блуду честную женщину. Вы подтверждаете обвинение?

Прокопов жёстко посмотрел на девушку. Настасья не поднимала взгляда. Сжав кулаки, красная от стыда, она утягивала подол юбки к полу. По залу пошёл шёпот. Солдаты, любопытные горожане, сплетницы, что поднялись в крепость из прилегающей деревни, начали пересуды. Мориль откинулся на кресле, скрестив руки на груди. Едва не плача, девушка кивнула.

Поднялся шум. Публика восторгалась, услышав подтверждение. Один мужчина поднялся со скамьи, чтобы что-то выкрикнуть. Прокопов отложил бумагу и с силой стукнул кулаком о стол.

— Тишина! — потребовал он. — Я призываю на кафедру обвинителя.

Со зрительской скамьи поднялся казак. Даже с высоты судейской трибуны он казался великаном. Люди поспешно уступили место, когда он, хромя, опираясь на трость, двинулся к центру зала. Он был стар, с колючей белой щетиной, остатками сальных волос на висках и затылке. Лысая макушка сверкала под прямыми лучами солнца. Словно выточенное из камня, лицо было покрыто шрамами. Он шёл уверенно, хоть вместо левой ступни и носил деревянный протез.

Старик поднялся на кафедру. Было видно, сила в его теле ещё водилась. Он обнял девушку. Его громадная рука накрыла её будто меховой шарф. Настасья уткнулась в рубашу старика, а потом, склонив голову, убежала в угол обвинения. Старик посмотрел на судей.

— Представьтесь, — неизменно сухим голосом сказал Прокопов.

— Макар, — хрипло ответил старик. — Я казак, многие разы ранен на царёвой службе.

Громыслав заметил, что у того отсутствовало левое ухо, а на правой руке не хватало двух пальцев.

— Кем приходитеесь пострадавшей?

— Батьком, — почти плача ответил Макар. Он склонил голову к перилам, морщинистое лицо скривилось. — Только дочка у меня и есть.

Прокопов смерил взглядом старика. Ни единая мышца у судьи не дёрнулась.

— Ваши обвинения зафиксированы под присягой в документах прокуратора. Повторите то, что говорили Алешу. Думаю, понятно, что вы обязаны говорить лишь правду.

Макар смиренно кивнул.

— Я казак, — повторился Макар, — тридцать лет жизни и всё здоровье отдал Заставе Гордия. Я не нажил ни семьи, ни богатств, и своё скромное имущество завещал в приданое дочери. Все в деревне, и пусть мне не дадут соврать, — старик оглянулся назад, — знают, что случается по праздникам. Ваши солдаты, господин капитан, приходят к нам. Они буянят, пьют, ходят к мыльницам — бывает и офицеры приходят.

На слова Макара толпа одобрительно зашептала.

— На то не жалуюсь. Я старый казак, знаю, как оно бывает у мужиков. В день Святого Якова, к нам заходили ваши офицеры. Они распили бочонок в корчме, и, по обычаю, начали

буянить. Да только крепко буянить, избили Мику, сына тавернщика, Шоньку и Костю. Приставу пришлось выпроваживать. То были господин Глоберг, господин Занозьев и ещё три солдата: Михас, Павлен и Губа.

Макар указал на подсудимого. Шёпот в зале стал громче. Глоберг даже не взглянул, перебирая пальцами по столешнице. Макар продолжил:

— Пьяные, они не вернулись в казармы, а заняли амбар барышника. Моя Настюшка шла тогда от реки с коромыслом. Сначала они бесстыдно склоняли её к блюду, а когда она отказала...

Тут Макар запнулся. Голос его стал надрывным, дрожащим. Он посмотрел в угол, куда забились Настасья. Девушка подняла глаза на отца, но сразу отвела взгляд; посмотрела на Глоберга и, раскрасневшись от стыда, припала к коленям, закрыв голову руками. Слёзы блеснули на зрачках Макара.

— Они избили её и затащили к себе на сеновал, где насиловали. Кто из деревни хочет назвать меня лжецом, пусть скажет.

Макар снова посмотрел назад. Его брови были насуплены, голос наполнился злостью. Никто не поднялся, лишь некоторые в зале подтверждающе закивали.

— Я вольный казак, — обратился старик к суду, — верный слуга царя. Дочка моя тоже казачка и муж её вольный казак. Со мной так нельзя. Господин судья, господин капитан, прошу вас о справедливости.

Крестьяне и казаки, что присутствовали в зале, повставали с мест. Речь старого Макара вызвала в них бурю недовольства. Поднялся гул. Прокопов ударил кулаком.

— Тишина! — крикнул он. — Вам следует просить о соблюдении закона, не справедливости. Кто-то из присутствующих хочет усомниться в словах казака Макара?

— Почему только Глоберг? — спросил Громыслав Прокопова. — Старик упомянул пятерых.

Прокопов поправил очки. Он щёлкнул пальцами клерку, парнишка зашёл в дверцу позади судейской трибуны.

— Макар, — обратился судья к старику, — расскажите, что произошло наутро.

Казак сглотнул, обтёр ладонью лоб. Ему было тяжело вспоминать.

— Н-Настюша пришла ко мне с рассветом. Она была избита, зарёвана. Муж выгнал её из дома. Я пошёл сразу туда, хотел призвать к ответу. В амбаре спал господин Глоберг. От него воняло водкой. А на сеновале лежал Настюшин платок в крови. Только барышник удержал меня от того, чтобы проткнуть вилами его грудь.

— Муж не стал её защищать? — удивился Громыслав.

Старик только удручённо склонил голову.

— Он пьянь. От казака в нём только название, — Макар накрыл ладонью лицо, уже не удерживая слёз. — Я стар, мне не хватает сил защищать дочку. Кому я отдал её? Кому? — спросил он в конце, смотря на бюсты Святых Отцов, что висели позади судейской трибуны.

Прокопов прочистил горло.

— Если позволите, господин капитан, продолжу. Кто-то из присутствующих желает усомниться в словах Макара? Тогда обвинение считается действительным.

Клерк поднёс Прокопову другой документ. Судья начал зачитывать текст:

— Господин Мориль Глоберг, в соответствии с законами государства, в связи с правовым статусом казачьей общины, администрация Удела в лице губернаторского суда выносит вам обвинение в причинении ущерба. Согласно положению о вирах царя Тиховида II, вы обязаны откупиться. Согласно поправкам царя Гектория I, откуп назначается в размере чтимого золота. Размер чтимого золота закреплён в документах правового статуса казачьих общин и составляет двадцать пять серебряных рублей. Вы согласны с обвинением?

Глоберг медленно перевёл взгляд на судью. По лицу ответ был ясен заранее.

— И кто меня заставит? — спросил он, поднявшись с кресла. — Лавочник? Кто вы такие, чтобы меня судить?

— Согласен, — внезапно вмешался Громыслав. Он обернулся к Прокопову. — С таким судом и я поспорю. Это кусок дерьма опозорил честную женщину, а вы ему назначаете штраф?

— Закон назначает штраф, господин капитан. Уймись.

— Закон? А я слышал, по закону насильников вешают.

Прокопов невольно засмеялся.

— Вы не знаете законов, капитан Праж. Настасья замужняя. Её нельзя изнасиловать: это относится только к девственницам.

Прокопов дёрнул за колокольчик, висевший позади.

— В связи с сопротивлением господина Глоберга, суд уходит на закрытое обсуждение.

Всё тот же белый кабинет, уставленный шкафами бумаг, заметно потемнел. Солнце скрылось за стенами, и только влажный ветер пробивался в открытые окна ратуши. Близился вечер.

— Пятеро сучьих ублюдков поимели девчонку, а вы хотите вручить ей горстку рублей как какой-то шлюхе? — Громыслав чуть ли не кричал, ходя по комнате.

Клерков заблаговременно выгнали, и в помещении остались только Павлов, Рудкин, Прокопов и сам Громыслав. Офицеры перекидывались в карты. Судья вальяжно сидел в кресле, развернувшись к гусару.

— Чьи имена назвал старик? Я отрежу мошну этим пьяницам!

Герр почесал затылок.

— Вроде, там было что-то про губу...

— Всегда у вас так, — ответил Прокопов. — Я видел десятки, если не сотни, таких заседаний. Крестьянок постоянно насилюют. Вы всем обвиняемым отрежете достоинство?

Громыслав приблизился к судье. Он склонился над ним, опершись о стол.

— Начну с подчинённых, — сказал гусар. Судья выглядел спокойно, беспринципно. — Только список дайте.

— А как же пересуды, капитан? В четверти случаев, или может немногим меньше, преступника не было. Никто не видел, или не признавался, что видел, и обвиняли случайного парнишку, кого деревенские пуще других не любили. Им тоже отрезать?

— Это другое.

— Конечно, другое. А в ещё половине случаев насильник был близким родственником, и кто тогда обвинитель?

— Девушка... — незамутнённо ответил Громыслав.

Прокопов рассмеялся точно так же, как в зале суда — легко, по-доброму, будто они говорили не о людях, а всего-то о дворняжках.

— Вы понравились бы моим сёстрам, капитан, — сказал он, хитро улыбаясь. — Но женщина не может быть субъектом права. Она даже в собственной семье не всегда субъект, а вы говорите про суд!

Гусар отвернулся. Он снова начал ходить по комнате туда-сюда.

— И что вы предлагаете? Двадцать пять рублей? Вы сегодня с полковника поимели больше!

— Вас не устраивает сумма?

Голова у Громыслава трещала. Он хотел отвлечься, закурить. Не было сил молчать. Он пнул соседний стул.

— Какие к чёрту деньги? — крикнул гусар. — Лучше вообще никого не наказывать, чем вешать клеймо шлюхи.

— Дорогой шлюхи, прошу заметить, — в полутон пошутил Герр.

Рудкин засмеялся, но тут же умолк.

— Прошу, заткнись, Геррхард, или вырву тебе язык! — пригрозил пальцем Громыслав.

Майор встрепенулся, отложив карты, и поднял ладони перед собой, придерживая напившего гусара.

— Эй-эй, спокойнее, Громыслав. Ты чего взъелся? — Герр поднялся. — Это не первая баба, которую не совсем добровольно поимели.

Рукой майор повёл в сторону Митридатовых пик, будто бы указывая на всех тех людей, что жили вне защиты стен.

— Ты же был на войне — так постоянно происходит. Только тем женщинам никто не платил, пусть радуется!

Громыслав вздохнул, качая головой. Чуть погодя он поднял стул, присел. Гусар обтёр влажное лицо, зачесал ладонями вспотевшие чёрные волосы.

— Ладно, — на выдохе ответил он. — Штраф так штраф. Но это не будут двадцать пять рублей, ей не заплатят как какой-то шлюхе. Ты говорил о вире, — обратился он к судье. — Пусть платит виру.

Прокопов поводил бровями в раздумьях.

— Вира — это золото чести. Царь Тиховид не просто так сменил её на откуп. Думаешь, Мориль согласится откупить свою честь? Думаешь, он вообще считает себя посрамлённым?

— Посчитает, — ответил Громыслав, взгляд его был наполнен решимостью. — Я заставлю.

Прокопов лишь покачал головой.

— Ты не знаешь законов, капитан... совсем не знаешь.

— Хочешь возразить?

— Нет, будь по-твоему, — поднялся он с кресла. — Пойдёмте, господа, подготовим бумаги.

Прошло ещё какое-то время, прежде чем суд собрался вновь. Доходяг стало меньше. Макар сидел по правую сторону, прижимал дрожащими руками Настасью. На Громыслава он смотрел сурово, с надеждой. Последним в зал вернулся Мориль — всё такой же беззаботный и скучающий. Когда лейтенант уселся, Прокопов прервал шум разговоров:

— Прошу тишины! — обратился он к залу. В руках у него было только написанное постановление. — В связи с сопротивлением правосудию со стороны господина Глоберга, властью, данной мне как верховному судье Удела, я переквалифицирую обвинение. В соответствии с законами государства, администрация Удела в лице губернаторского суда признаёт действия господина Глоберга посягательством на здоровье и честь царёвых слуг, что не противоречит правовому статусу казачьей общины. В соответствии с законами, он обязуется выплатить виру царю и пострадавшей семье. Вира устанавливается, в соответствии с поправками царя Гектория I, в размере годового жалованья...

Мориль резко вскочил.

— Присудили мне виру? Вы смеётесь? Я не стану платить за честь какой-то деревенской бабы. Я граф! Вы у меня все сейчас под эшафот пойдёте!

— Вы не в Северной марке, господин Глоберг, — ответил Прокопов, не теряя лицо, но Громыслав видел, как он вжался в кресло. — Вы слуга царя и должны подчиняться законам государства!

— И кто меня заставит?

— Я, — спокойно произнёс Громыслав.

Он медленно поднялся. Его жёсткий взгляд упёрся в покрасневшие глаза мальчишки, что никогда, видимо, не знал отказов и наказаний.

— Нападение на царёвых слуг в условиях военного положения приравнивается к измене. Я, как командир, имею полное право приговорить вас к смерти без суда и следствия.

Мориль побледнел. Прокопов изумлённо посмотрел на Громыслава.

— Ошибаюсь, господин судья?

— Нет... — задумчиво ответил Прокопов. — Вы правы...

Из-за шинели гусар вынул пистолет и направил на лейтенанта. Тот с перепугу упал в кресло. В зале разразился тревожный шёпот.

— Это бред! — истошно выкрикнул он. — Не имеешь права, лавочник!

— Ещё раз назови меня лавочником, и, клянусь Отцами, я вышибу тебе мозги на эти чудесные дубовые стены.

Громыслав взвёл курок. Мориль в панике попытался выпрыгнуть из-за стола. Ударился. Споткнулся о ножку и покатился по полу. Отполз за кафедру.

— Не посмеешь! Тебе отомстят! — кричал он, прячась за перилами.

— Уверен, отомстят, — улыбнулся гусар. — Но голову тебе вряд ли зашьют.

— Ладно-ладно!

Мориль встал, поднял руки в знак послушания.

— Что тебе надо? — продолжил он, медленно подойдя к судейской трибуне. — Вира — согласен!

— Проси прощения.

— Приношу глубочайшие извинения суду.

— Не мне, — гусар мотнул головой вправо.

Лейтенант повернулся. На скамье, рядом с потрясёнными юристами, сидела Настасья в объятиях отца. Круглыми зарёванными и испуганными глазами она смотрела на них. Мориль замаялся, проглотил вырвавшийся смешок.

— Это ниже моего достоинства.

Раздался выстрел. Зал охнул в ужасе. Поручень кафедры с треском разлетелся. Щепки попадали. Дым подхватился слабым ветерком, гуляющим по комнате. Мориль зажмурился.

— Промазал! Бывает же... — пробубнил Громыслав и потянулся в карман за бумажным патроном.

Он надкусил капсулу, высыпал пахучий порошок в дуло пистолета. Достал следующий свинцовый шарик.

— У тебя шомпола нет, Герр?

Офицеры сидели в замешательстве. Прокопов встал.

— Прекратить беспорядок в суде!

— Беспорядок? — спросил Громыслав. — Закон на моей стороне, это и есть порядок.

Гусар нашёл шомпол и начал толкать пулю в пистолет. Со скрежетом она прорезалась сквозь нагар, и с каждым ударом шомпола Мориль потел всё больше и больше.

— Пойдите! — наконец сказал он. — Я приношу извинения семье этой девушки и ей самой. Этого достаточно? — сорванным голосом спросил он.

Громыслав довольно кивнул.

— Все слышали? — покрутился он в стороны. — Он признал себя виновным. Оформляй, судья!

Прокопов присел, тяжело дыша. Он поправил очки, мантию, причесал волосы. Гусар впервые за много лет почувствовал удовлетворение. Громыслав победно вернулся в кресло судьи и самодовольно глянул на Мориля Глоберга, который от обиды и гнева насупил ноздри. Исподлобья он смотрел, как Прокопов собирается зачитать приговор.

— Так, — судья прочистил горло. — В присутствии уважаемых присяжных, перед ликами Святых Отцов, подсудимый признал вину. В соответствии с обвинением ему предписывается выплатить виру царю и пострадавшей семье. Срок исполнения назначается в месяц со

следующего дня. За исполнением приговора назначаю проследить судебных приставов ратуши губернаторского суда. За сим заседание объявляется закрытым.

Мориль вынул из внутреннего кармана кошелёк и метнул на трибуну.

— Там даже больше. Вы все мои права решили поправить или только некоторые? — спросил он.

— Господин Глоберг, никто не попирает ваши права, — ответил Прокопов. — Суд защищает ваши интересы в той же степени.

— Тогда требую право виры!

Громыслав недоумённо обернулся.

— Что за право?

Прокопов вздохнул, протёр очки.

— Говорил же, вы совсем не знаете законов, капитан. Ваше требование уместно, господин Глоберг.

Судья развернул кошелёк, посчитал банковские билеты. Лишнее вынул и положил на стол трибуны. Щёлкнул клерку.

— Передай Макару, — шепнул он, отсчитав половину из оставшегося.

Клерк вернул толстую книгу. Прокопов развернул её, какое-то время копался среди пыльных пожелтевших страниц. Макар потерянно смотрел на судей, не понимая радоваться или нет; принял от клерка с подозрением непонятные для себя бумажки. Они легли как фантики в его большие ладони. Он не считал их, не смотрел, а только упёр непонимающий, немигающий взгляд на Громыслава.

— Статья шестьдесят восемь, — наконец продолжил Прокопов, — Хартии боярской вольности общего свода законов государства, раздел «Право виры» гласит, что боярин, заплативший царю виру за холопов, или слуг, принимает от них сеньорат.

Он захлопнул книгу.

— И что это значит? — спросил Громыслав.

Теперь Мориль улыбнулся. Он, не спеша, прошагал к правому углу, где, уже совсем взволнованный, Макар пытался спрятать за собой Настасью. Лейтенант пихнул старика, и тот упал на перила зрительских мест, он схватил девушку и с силой, с злостью кинул её на пол.

— А ну прекрати! — поднялся Громыслав, но Прокопов потянул его за рукав, усадив на место.

— Тиховид не просто так заменил виру откупом, — напомнил судья. Говорил он почти с жалостью. — Статус высокого дворянства приравнен к боярскому. Вольность казака в том, что он слуга одному царю. Заплатив виру, Мориль Глоберг принял в слуги Настасью.

Прострацию Громыслава прервали крики. Он посмотрел в проход между зрительскими трибунами, где несчастная девушка ногами, руками пыталась уцепиться за ковёр, за ножку скамьи или чью-то руку — за что угодно, пока лейтенант тащил её за волосы из зала суда. Она плакала. Громко. Надрывно. Просила о помощи. О пощаде. Она молилась Отцам, смотря, как их лики постепенно удаляются. Макар шёл следом. Казак молча ревел, не в силах издать ни единого звука. В один момент он сгорбился, ослаб, покосился, будто вся жизнь утекла из него, вернув немощного потрёпанного временем и службой старика, каким он и должен был быть.

Громыслав опустил взгляд. Он не чувствовал злости, печали, негодования — всех эмоций, что остались в нём. Лишь пустоту, звенящее, горланящее воплем беззащитной девушки ничего. Только горстка банковских билетов на столе трибуны осталась перед глазами. Крики, плач стали дальше. Они отдавались эхом в коридорах ратуши, пока в конечном счёте не испарились за дверями здания суда.

Напоследок солдат ввёл в зал трёх перепачканных мальчишек. Прокопов удивлённо смеялся над ними.

— Это ещё кто? — спросил он.

— Скотокрады. Поймали в Анне намерднн, — ответил мужик.

— Этими делами заведует военный суд, — брезгливо отмахнулся Прокопов.

— Ну так... — солдат глянул на Громыслава.

Гусар не пошевелил и бровью, не посмотрел и даже не задумался.

— Что говорит закон? — спросил он.

— За кражу скота виселица, — ответил судья, собирая вещи. — Но Любаш Креститель милует преступников младше двенадцати лет.

— Сколько им?

Томные усталые глаза гусара поднялись на солдата.

— Десять, одиннадцать и двенадцать, — по головам перечислил он мальчишек.

— Двух в орден, третьего — на эшафот.

Солдат козырнул и повёл мальчишек прочь. Громыслав так и не поднял на них глаза. Лишь подумал с тревогой: «Сколько же таких воришек повесил Бурзаков?»

Не помня себя, Громыслав вышел во двор крепости. Впервые, может быть и за всю службу, он выглядел не равнодушным. Весь его облик принял болезненный, сломленный вид. Дворец искусств освещался красными лучами заката. Солнце спешило спрятаться за шапками гор, будто бежало от пороков, которые правили ничтожной и беспечной жизнью проклятого полуострова, куда сослали Громыслава.

Дул тёплый душный ветер, предвещая очередной дождь. Пьяные солдаты гуляли по крепости, бились кружками за здоровье, крича тосты и пожелания крепкой любви княжеской паре. Собаки лаяли, непривычные к толпе, горные птицы распевали мелодии. Только гусар врос истуканом в мощёную площадь ратуши. Невыносимо, как не было уже давно, ломило в челюсти. Громыслав полез в карман. Вместо папирос там лежал ещё мокрый пустой мешочек.

Овечья шкура

Глава 1

Мокрая почва хлюпала под латными сапогами рыцаря. Доспехи бренчали от ходьбы, звенели под проливным дождём. Небо над скалами затянулось низкими плотными тучами. По широкой горной тропе продвигался брат ордена. Он был впереди отряда из шестерых мужчин, гильдейцев, что за деньги шли убивать и умирать. Щербатый Глеб, старый Андре, косой Лукаш, белобрысый Миколка, здоровяк Гивар и молодой Лукьян. А ещё брат ордена, архонт Артемий, что шёл позади всех. Рыцарь запомнил имена, хоть узнал их только утром.

Мужчины были одеты вразнобой: кто побогаче, носил дублёные куртки, кольчуги; иные ходили в плащах. Вода стекала с широких шляп, высокие сапоги всплескивали бегущие вниз ручьи. В руках они несли ружья, ещё по одному — через плечо, а на поясах висели палаши. Отряд шёл на охоту.

Дождь стремительно вымывал кровавые следы предыдущего отряда. Алая дорожка вела дальше, где ущелье опасно сжималось до узкого проёма. Рыцарь держал меч наготове. Сквозь щель в шлеме он видел немного. Покатый склон горы, где росли редкие кустарники. Тёмно-зелёная бровка дороги. Обочина с притаившимися в траве камнями.

Вдруг жёлтая в чёрную крапинку морда мелькнула из ущелья. Показалась здоровая, как у слона, растопыренная лапа, с мохнатых кончиков которой выглядывали когти. Слишком крупная, голова барса напоминала размерами лошадиную. За вытянутой шеей потянулась туша. Изрезанная, обгоревшая, покрытая точками пуль, она перемежалась фиолетовыми пятнами скверны. Гниль, как узор на породистой лошади, тянулась по шкуре некогда животного. Оно обернулось. Из второй половины морды сочился гной. Через ухо, как будто из пореза, вырывалось чёрно-красное мясо, тронутое пурпурной гнилью по краям. Сквозь порванную щёку выглядывали уродливо переросшие клыки. Они впивались в дёсны, из которых сочилась кровь. Красной с краплениями мутной жижи слюной чудовище капало на землю.

Оно замедлилось, прогнулось, как кошка, готовая к атаке. Узкие полоски глаз неотрывно смотрели. Рыцарь поднял меч, ружья затрещали, взведённые к выстрелу. Чудовище было огромное, как тяжеловоз; деформированные мышцы ходили волдырями под кожей, судорогой дёргались от каждого движения, словно шаги доставляли боль. Лапы, одна за другой, грузно поднимались, кости тяжело хрустели. Оно было в десяти-пятнадцати шагах от них.

Прогремел залп. Глаза рыцаря на мгновение заволок дым. Пули отскочили от камней, взрыли землю, впилась в мясо. Чудовище рвануло вперёд, прыгнуло на рыцаря. Мужчина едва успел отскочить. Он упал в грязь, проскользил по лужам к траве. Крик.

Чудовище когтями рвало Миколку, что стоял позади рыцаря. Вцепилось пастью в его живот и вырвало кишечник, жадно проглотив. Гильдейцы разошлись. Побросали ружья. Взвели запаску. Прозвучала ещё серия выстрелов. Воздух пропитал запах серы. Чудовище рвануло к следующему. Оно вгрызлось в ногу старого Андре и замотало головой. Гильдеец с криком метался будто игрушка в пасти. Рыцарь встал. С разбегу он отсек твари толстый, как жердь забора, хвост.

Оно завопило. Забилось. Развернулось и махнуло чёрной лапой. Длинные когти со свистом стукнулись о шлем, поцарапали доспех. Удар был тяжёлый. Голову повело. В следующий миг наплечник сжало у ключицы. Чудовище вцепилось в него, полотно металла смялось как рубаша. Рыцарь взревел. Оно повалило его, как загнанную дичь. Спина стукнулась оземь. Грязь комками разлетелась, просёлок вдавился под ними, и жёсткая с песочной крошкой вода забежала под латный панцирь. Чудовище сжимало челюсти, пыталось прокусить ему артерию, как горному козлу.

Поднялся грохот ружей. Гильдейцы падали из кустов. На мгновение оно расслабило хватку, глаза шевельнулись в сторону. Рыцарь выхватил с пояса нож и вогнал существу в веко. В ушах застучало от рыка. Когти градом забили по груди, по рукам, по голове. Живот резко стянуло. Рыцарь захлебнулся криком. Лапа чудовища застряла в сочленении доспехов, коготь пробил гамбезон, кольчугу и впился под рёбра. Лёгкие словно встали.

Едкая разжиженная скверна, что источалась из полумёртвого барса, наплатала даже пот животного. От запаха собирались слёзы. Сознание утекало с кровью, мешавшейся с холодным дождём. Выстрелы гремели, но казались совсем глухими. Внезапно воздух вокруг покраснел, раскалился. Пламя возникло из ничего, огоньки забрызгали точно вино, рвущееся из бочонка. Огонь жидкостью разлился по коже чудовища. Рык стал истошным, мучительным. Выстрел. Оно пошатнулось. Это подбежал Лукаш и пальнул в упор. Тут же лапа промелькнула над головой рыцаря. Одним взмахом оно спустило внутренности парню. Едкий запах скверны вытеснила вонь нечистот.

Ещё выстрел прогремел со стороны. Затем следующий. Послышались щелчки осечек от намокшего пороха. Чудовище покрывалось кровоточащими отверстиями, от пламени вздувалась кожа и лопалась смесью гноя и газов. Оно воняло, как жареная гнилая медвежатина, но всё равно держалось. Гильдейцы побросали ружья, вынули палаши. Выстрелы не убили тварь, лишь разозлили. Наконец оно вырвало коготь из слоя железа и ткани и кинулось на них.

Рыцарь с облегчением задышал. Он обильно потел, веки смыкались, голова шла кругом. Из последних сил он достал бутылёк бордовой жидкости. Сквозь щели забрала рыцарь вылил зелье в рот. Горькая, кислая, как уксус, субстанция растеклась по горлу, обожгла губы. Кровь одним мощным толчком прилила к лицу, глаза, казалось, едва не выпадали наружу. Щёки свело судорогой, кожа, казалось, рвалась на части. Но в один такой же быстрый миг чувства пришли в норму. Рыцарь поднялся на колено.

Отряд поредел. Из семи парней остались только трое. Здоровяк Гивар в молитвах, умирая, тащился по лужам из-под твари. Чудовище застыло чучелом. Яркими линиями струи воздуха расходились от туши. Шерсть встала дыбом. Кровь на лапах, на морде кипела. Не теряя времени, рыцарь встал. Он бегом устремился к твари и, прыгнув, взмахнул мечом. Мясо разошлось в стороны, кость треснула. Показались толстые связки на позвонках, покрытые фиолетовой гнилью. Рыцарь потянул меч обратно. Застрял. Морда повернулась. Чудовище махом сбilo его, и он покатился по земле. Удержался на коленях. Оно не нагоняло, а прыгнуло дальше, на архонта. В глазах вспыхнул свет. Рыцарь зажмурился.

Открыв глаза, он увидел, как чудовище вцепилось в руку Артемия. С большим трудом существо стояло на ногах. Клыки, так яростно кусавшие наплечник, вдруг треснули. Архонт вырвался. Оно царапнуло его по груди, и мужчина упал в траву. Рыцарь бросился к трупам гильдейца, обшарил в поисках ножа. Выстрел. Парни начали пальбу. Чудовище прыгнуло. Лукьяна оно смело, раздавив под тушей, щербатому Глебу вцепилось в лицо. Существо начало обглаживать его голову, как мосол.

Рыцарь тихо подошёл. Чудовище завопило, когда ударом ноги рыцарь вывихнул ему лапу. Кость твари сложилась пополам. Жалобное рычание вырвалось из глотки. Под весом тела другая лапа надломилась. Существо замахало конечностями. Оно схватило рыцаря. Укусило за руку. Массой прижало к земле. Оно било его, таскало по лужам, по грязи, пока рыцарь до онемения в руке колол брюхо. Наконец, когда ощутил под локтями твёрдую почву, он вспорол живот чудовища. Оно издало последний, слабеющий рёв. Кишки вывалились наружу. Кровь с гноем и желчью облила рыцаря, каплями срываясь на скулы в прорезь шлема. Туша навалилась. От запаха стало плохо. Он задышался. С кряхтением выполз из-под трупа. Встал на четвереньки, судорожно расстегнул шлем и бросил в грязь. Содержимое желудка в несколько спазмов вышло наружу. Рыцарь тяжело задышал.

— Давай... — перед лицом висела протянутая рука. — Вставай, Филарет...

Он вцепился в ладонь брата. Поднялся. Растерзанные тела лежали на дороге, дождь размывал свежую кровь.

— Ты как? — спросил поджарый, зеленоглазый Артемий.

Его короткие тёмные волосы перепутались, грязь была размазана по лбу.

— Жить буду... жить буду... — Филарет сплюнул красную слюну.

Артемий помолчал, переводя дыхание. Его чёрная магистерская мантия была изорвана, а под тканью виднелась серебристая рябь кольчуги. Архонт обтёр рукавом промокшее лицо.

— Хорош, — сказал он Филарету. — Без тебя б не сдюжили.

Рыцарь коротко кивнул.

— Откуда оно вылезло? — спросил он.

— Из Заставы. Барс прошмыгнул здоровым. Видать, поцапался с кем-то в степи и пришёл сюда умирать. Он две недели уже охотился на людей.

Филарет выдернул нож из глаза чудовища. Упёршись сапогом, принялся отрывать меч. Кость отломилась от позвонка, и лезвие наконец отошло. Рыцарь спрятал оружие в ножнах. Архонт продолжил:

— Здоровая тварь, сука! Боюсь представить, что нас ждало бы ещё через две.

Артемий вынул карту из подсумка. Наученным точным взглядом архонт наметил угольком точку посреди гор.

— Здесь, — сказал он, — пришлём экипаж за парнями и тушей. Скажи, брат, если не секрет, из какого ордена? Не видел тебя среди рыцарей Заставы.

— Воложбы, — проронил Филарет.

Артемий лишь на мгновение успел удивиться, как раздался крик. Молодой гильдеец Лукьян был ещё жив. Он завопил во всю глотку, очнувшись в красновато-чёрной луже. Его нога была вывернута в обратную сторону. Архонт подбежал.

— Отцы святые... — беспокойно дышал парень. — Чёрт, чёрт, чёрт!

— Тише, Лукьян, — присел к нему архонт, — ты как?

— Нога будто горит... Сделай что-то, Тёма.

Парень зашипел от боли, его зубы сжались.

— Можешь что-то сделать? — вновь спросил он.

— Только отрезать.

Артемий серьёзно посмотрел на Лукьяна. У парня кровь отлила от лица.

— Обожди, — схватил он архонта за плечи, — я же видел, как ваши парням пальцы приращивали!

Артемий закивал, но вид у него был не воодушевляющий. Он схватил пальцами красную кайму на рукаве мантии.

— Я, к несчастью, пиромант, — с горькой улыбкой ответил архонт. — Не владею искусством гуманомантии.

— Так отнесите меня в крепость! — парень посмотрел на Филарета. — У вас там всяко будут эти.

Архонт ответил жёстко:

— Нет. У тебя тяжёлая травма, а лечение эффективно только в первый час. Ногу не спасти, поверь. Она начнёт умирать, покроется гнилью. А если тебя не убьёт сепсис, то ты превратишься в такую же тварь. Надо резать.

Лукьян какое-то время тупо смотрел на носок обуви. Затем обвёл глазами Филарета с Артемием, поглядел на барса, остывающего под проливным дождём. Архонт сжал ладонями виски парня.

— Послушай! — он повернул его голову на себя. — Брат Филарет — мастер. Он быстро отрубит ногу. Ты даже не успеешь почувствовать. Но мне придётся обеззаразить рану спиртом — это будет больно. Понимаешь?

Лукьян кивнул.

— Затем я прижгу вены и остановлю кровь. Это будет ещё больнее, но так ты останешься жив.

Парень снова кивнул, кажется, уже совсем не слушая. Артемий посмотрел на Филарета. Рыцарь обнажил меч.

— Готов? — спросил архонт Лукьяна.

Не дождавшись согласия, он сунул ему в зубы тряпку, придавил к земле. Парень начал дёргаться, сознавая, когда Филарет уже занёс над головой меч. Без промедления рыцарь махнул лезвием.

Глава 2

Тихая каменистая тропа уходила к расщелинам. Мокрые горные валуны сбились макушками, и тень от них падала на дорогу. Тучи мирно отступали на восток, и сквозь их серый кучерявый ряд выглядывало ненастное солнце. Трое мужчин, избитые и промокшие, шли от Заставы Гордия к Митридагову Уделу. На грязных лицах читалась усталость, но в глазах гуляла матёрая мужицкая радость.

— Молодец!

Артемий дёргал за щёку Лукьяна. Он был немногим старше парня — порядка двадцати лет. Подбородок его уже покрылся жёсткой щетиной — напротив, лёгкого пушка под носом у Лукьяна, а в хитром дерзком взгляде была и удаль, и мужская хватка, тогда как Лукьян смотрел робко и чутка понуро.

— Многие бегут в свой первый бой. Красавчик! — хвалил архонт парня. — *Virginicea himenal rumpebat!*

Гильдеец вопросительно посмотрел на него.

— Мне так сказал мастер после первого боя, — пояснил Артемий. — Означает, порвалась девичья плева. Я был ещё неофитом. А ты, брат Филарет? Когда у тебя порвалась плева?

— Ты ещё не родился, — ответил рыцарь.

Артемий рассмеялся.

— Охотно верю. Впервые вижу такого старого рыцаря! Мне стоит опасаться?

Филарет оставил вопрос без ответа. Артемий продолжил подбадривать парня.

— Рублей тридцать, — сказал он, — просажу на баб. На остальное куплю панцирь.

Улыбнулся, посмотрев на товарищей. Филарет шагал молча, Лукьян ковылял ногой в раздумьях. Руками парень опирался на их плечи.

— Так много заплатят? — спросил он.

— А то! — ответил архонт. — Тварь большая, гильдия с неё много поимеет. Да и в крепости награда двадцать золотых рублей. Где-то по два на галушу. Состояние.

— Чего? Какую галушу?

— На рыло, говорю, по два, дурья ты галуша!

— Ого...

— А ты что думал? Нищим калекой остался? За такие деньги орден тебе и протез сделает. Будешь ходить более-менее. Колись, Лукьян, на что потратишь?

— Обжениться хотел, — краснея, ответил парень. — Да только я и с ногой ей был не нужен...

— Тю! — крикнул Артемий. — На хер баб!

Он прижал парня к плечу.

— Со мной пойдёшь! — махнул головой архонт. — Знаю девок, которые с тебя мигом эту чушь выдают.

Лукьян сипло засмеялся и тут же скривился: смех отдавал в культю. Артемий придержал его.

— А ты, мастер Филарет? — вдруг спросил парень у рыцаря.

— На шпагу, — ответил старый вояка. — В подарок.

Дальше шли они в тишине. У ручья, где тропа выходила из тени валунов, Филарет велел остановиться. Узкая расщелина ширилась тут, обрамляя зелёный строй леса, который тянулся к синеющим верхушкам гор. Рыцарь усадил парня на камень и размотал тряпку. Обрубок был чёрный от запёкшейся крови, кожа вокруг — жёлтая, как талое масло. Филарет полил его водой, посмотрел на просвет, будто принимал чужую работу, и завязал обратно.

— Не гниёт, — сказал он.

— И не будет, — отозвался Артемий, сидя под буком.

Он разглядывал свои ладони. Пальцы у него мелко подрагивали, как всегда бывает у пиромантов.

— Я хорошо прижёт.

Лукьян с надеждой посмотрел на культю. Филарет отошёл к воде. Сероватая от мелкой гальки земля блестела на солнце. Сырой холодный воздух разносил запах цветущего букового леса. Склон поднимался, утыканный толстыми стволами. Рыцарь расстегнул ремни на боку, отвёл в сторону смятый край панциря. Под кольчугой, в гамбезоне зияло отверстие. Вата пропиталась кровью, торчала будто шматки плоти. В леденящем прозрачном ручье он смыл с ладоней грязь утренней битвы. Рыцарь просунул указательный палец. Под одеждой на коже между ребёр лежал рубец, словно ране было не полдня, а полтора месяца, затем утрамбовал вату плотнее и застегнул ремни.

Когда он обернулся, Артемий смотрел прямо на него.

— Зелье у тебя доброе, — сказал архонт.

Парень перебирал чётки, склонившись над примятой листвой.

— Доброе, — ответил Филарет.

— Такого доброго не бывает.

— Идём. К вечерне надо быть в крепости.

Артемий засмеялся. Нервно. Так смеются, когда на самом деле не хотят. Он помог Лукьяну подняться и сказал:

— Я, брат, второй год хожу на Заставу. Видел стариков, которые хорошо дерутся. Видел неофитов, которые дерутся лучше архонтов. Но как дерёшься ты... — он помолчал. — Так монахи не дерутся.

— Я не монах.

— Но и не архонт. Ты сказал: орден Воложбы. У Воложбы нет рыцарей.

— Теперь есть, — ответил Филарет и пошёл вперёд.

Следующие пять вёрст шли они по редкому лесу. Спустя время высокие, закрытые шапками крон буки стали перемежаться тонкими стройными елями. Затем лес кончился, и пошла голая, бежевая от жёсткого горного песка дорога. Склон перестал уходить вверх, и вниз, на отдалении в пару вёрст, показалась долина. К вечерне всё подсохло; тучи разошлись, и тропы стояли мокрые и парящие, как бабы ленты. Далеко, где молочные тучи проплывали мимо облезших снегом хребтов, Митридатовы пики, как пара влюблённых, тянулись друг к другу ладонями. Через проём зелёным пятном красовался лес, поделённый едва заметной полоской — дорогой на слободу, в городок Анна.

Они спустились. Удел встретил их влажным ароматом тюльпанов. Поднимался летний зной, пахло хлебом и свежим навозом. Дорога Слёз вытянулась чередой обозов на версту. Подпряжённые волами, телеги были набиты солёной рыбой, крупами и овощами; с ними выстроились пешие — деревенские мужики в лаптях, бабы с венками, ноющие младенцы и непоседливая ребятня. Молодухи заводили песни. Парни кружили в казачьем танце, лихо вскидывая ноги. Гуляли: Великий князь брал жену.

Филарет прошёл мимо очереди. Люди оглядывались на них. Гильдейцев никто не любил, но косились они не на Артемия в разодранной мантии и не на Лукьяна с обмотанной культёй, а на рыцаря.

— Тебя тут не любят, — заметил Артемий.

Филарет не ответил.

В сторожке проходил досмотр. Длинный краснолицый солдат сразу узнал рыцаря.

— На гниль, — кивнул Петрик в угол комнаты, где сидел монах.

Это был брат клира, что взял обет врачевания. Он щупал людей на гниль. Заражённая ткань становилась мягкой, как переспелая слива. Если человек обращался, гниение начиналось с конечностей. Монах водил пальцами по запястьям, лодыжкам; оттягивал веко, сжимал ноздри, мочки ушей. С женщинами ему помогала монахиня, сестра клира. Мужики терпели, девки краснели, но все как один проверялись.

Артемия монах ощупал быстро; Лукьяна — долго: дважды прошёлся вдоль повязки. Когда подошёл Филарет, монах взял руку и сразу отбросил, будто схватился за раскалённый нож.

— От тебя воняет магией как от идола, — сказал он.

Монахиня дико посмотрела на рыцаря. Лицо её пряталось за вуалью, голова была покрыта белой льняной буркой. В отблеске её зрачков Филарет почуял страх.

— Проходи, брат, — сказал монах.

— Ты не посмотрел.

— Проходи.

Филарет вышел в ворота вслед за Артемием с Лукьяном.

Казначейство помещалось в низкой кирпичной пристройке у ратуши. Напротив находился филиал второй гильдии. Она занимала бывшие казармы, которые крепости стали ненадобны за уменьшением военного гарнизона. Двухэтажное здание было богато отделано гранитной кладкой, широкие окна с крупной стеклянной плиткой смотрели на восток. С зелёной черепичной крыши свисали полотнища гербов — двенадцать, по числу торговых домов.

Дверь гильдии отворилась со звоном колокольчиков, напоминавшим стук монет. Даже в праздник здешние писари трудились. Деньги со всей Лирии текли через их нежные жирные ручонки. Группа двинулась через ворот разодетых дорого людей к окну регистрации. За стойкой сидела миловидная девушка. Золотистые волосы были убраны в пучок, под аккуратным кончиком носа красовалась родинка. Она была гимназистка, какие наполняли приличные места, вроде гильдии.

— Слушаю вас, господа, — произнесла она бархатно нежным голосом.

— Горный барс, — Артемий, подмигнув, положил контракт на стол. — Должно быть много.

Не выказав лицом ни презрения, ни удовольствия, она пролистала стопку бумаг в футляре.

— Ах, вот он! Артель в восемь душ. Предъявитель контракта магистр Артемий. Это вы?

— Не похож? — спросил архонт, улыбнувшись во весь ряд кривых зубов.

— Жетон, пожалуйста!

Артемий кинул на стол серебряный жетон, где был отлит лик Святого Якова — такие гильдии предъявляли братьям ордена.

Девушка разложила перед собой лист и долго водила по нему пером. Затем встала, вышла за дверь. Пока её не было, они заняли диван в центре фойе; Артемий рассказывал Лукьяну про всех шлюх слободы. А Филарет отвлечённо наблюдал, как работала гильдия — как текла по жилам государства порченная скверной кровью Романии. Отряды гильдейцев возвращались с безлюдных степей, с гор и диких лесов. Чумазые, как шахтёры, побитые и заросшие точно разбойники, они несли свои потёртые заляпанные контракты. Прелестные гимназистки веж-

ливо улыбались им, будто не чуяли от них страшный перегар и въевшийся в одежду пот; принимали карты с указанием места смерти недавно зарубленного, простреленного, загнанного до обжигающей боли в лёгких чудовища. Девушки уносили бумаги в закрытое стальными дверями помещение и выносили мужикам скромную оплату, половину которой те пропивали в слободе всю следующую неделю.

Наконец их гимназистка вернулась, но вместе с ней был чёрный как горец, коротко стриженный мужичок. Он был низкий — наверное, по пояс Филарету — и при этом худощавый. Если бы не пышные усы и широкие брюки, из-под которых выглядывали золотые бляхи туфель, его легко можно было бы спутать с ребёнком.

— Вот они, господин Гореман, — указала на них девушка.

Улыбчивый торговец подошёл к дивану. Из-под шляпы сверкали сквозь очки его хитрые голубиные глаза.

— Ха! Каковы герои! — разразился похвалой Гореман. — А меня вы, зуб-дать, узнали?

— Полушка, — сказал Артемий, нетерпеливо стуча каблуком по паркету. — Где золото? Нас ждут бордели.

Гимназистка, краснея, извинилась перед главой дома, но Гореман отпихнул её в сторону.

— Что ты дёргаешься, дура? — прикрикнул он. — Пошла вон!

Полушка сел подле Филарета, закинув ногу на ногу, и посмотрел на Артемия.

— Если думаете, что я такой же торгошок, как эти бабы с клерками, то вы тупорылые овцелюбы, — он достал сигару, раскурил дорогим, с гравировкой огнивом. — Впрочем, вы же гильдейцы... среди вас водятся только тупорылые овцелюбы. Умных пока не встречал.

— Где наши рубли? — спросил Артемий. — Оскорблять будешь своих писарей.

Полушка вынул из кармана мешочек и бросил на стол. Золото разлетелось по лакированному дубу.

— Два десятка золотых рублей. Это награда от Удела, но я буду добр и сокращу вам возню с бумагами.

Филарет взял золотой со стола. Края были даже не рублены. Попробовал на зуб — твёрдый, как сталь. Полушка продолжил говорить:

— Делить с погибшими или нет — решайте сами. Где туша, сообщите моим обезьянам. Процент с продаж получите позже. Но это всё неважно. Ребятки, я ведь и сам гильдеец и поднимался в этом деле с низов. И знаете, что я понимаю? На вас, — он два указательных пальца направил на них, — держится моя прибыль. И за это я вас ценю.

— Ты чего хочешь? — спросил Артемий.

— Работайте только на меня.

— Это зачем?

— Плачу я больше. Никакой волокиты с бумагами, если вы толковые парни.

Лукьян неуверенно оглянулся на Артемия.

— У Полушки каторга, ребята сказывали...

Артемий кивнул. Полушка улыбнулся шире прежнего.

— Да, приходится работать и с отребьем. В нашем славном деле, знаете ведь, не хватает головистых. Одни деревенские идиоты, не способные ровно тятку держать, подаются в гильдейцы. Но вы! — он ткнул Филарета и Артемия. — Мастер мечник и мастер пиромант! Вы очень ценные кадры! Я готов платить вам двенадцать золотых в год, не считая процента с контрактов.

Глаза Лукьяна округлились. Артемий сразу заинтересованно посмотрел на Полушку.

— Согласен, — ответил архонт.

— Замечательно! — не успел воскликнуть Полушка, как Артемий добавил:

— Но Лукьян со мной.

Гореман покривился, всё равно пожал руку Артемию. Посмотрел на Филарета. Рыцарь спрятал в карман золотой.

— Откажусь.

Он поднялся, хлопнул Лукьяна по плечу.

— Поставь протез за мой счёт.

— погоди, — встал и Артемий. — Нам предлагают кучу золота, а ты уходишь?

— Вы заслужили. А у меня есть один долг.

— Мы с тобой побратались в бою. Что ты язычник, мне дела нет. Оставайся с нами... Тебя в крепости презирают и боятся. Куда ты пойдёшь?

— Куплю шпагу. Будь счастлив, брат. Сбереги парня.

Глава 3

Доска чавкнула, встав на своё место в полу. Весь в земле, поту и запёкшейся крови, Филарет приколачивал половицы беседки. Безветренная тихая рощица разносила стуки молота. Гвозди заходили точно в тесто: дерево, как сажёй обмазанное почвой, прогнило до трухи. Филарет перевернул доску сухой стороной и придавил. Никак они не приколачивались.

Через щели на него смотрела присыпанная щепками земляная горка. Невысокая, в полтора локтя, узкая, как для собаки. Восемь лет назад он выкопал там яму. Тогда стояла ночь, лились осенние дожди, и земля пахла кислой, прелой листвой. С тех пор беседка обросла цветами, и аромат лаванды с диким ландышем оттенял запах мёртвой плоти, въевшийся в чёрные от ремесла руки Филарета.

— Лежи... — сказал рыцарь, когда доска наконец прибилась.

Он поднялся. В раскрытой левой ладони повисла мантия. Тёмно-красная, не монашеская. Ветхая ткань расходилась под пальцами лоскутами и пылью, осыпанная, как картечью, вереницей дырок. По кромке изгибалась золотая полоса. Насыщенно яркая. Словно только пришитая к этому затхлomu тряпью, испачканному землёй.

Филарет обтёр руки о полу мантии, свернул её вокруг ножен новенькой шпаги и уложил на дно сумки. Над ними плотно уставил тупые тренировочные мечи. Рыцарь огляделся по сторонам. Никого не было: никто не видел. Он подошёл к стулу, где оттачивал меч перед вылазками, когда услышал смех. Он знал, что она снова придёт. Он ждал. Рыцарь посмотрел в глубину рощи, где ветвистые деревья сгустили тень. Черепа на верёвочках дёрнулись, и сквозь зелень листвы прошёл моложавый мужчина в очках. Завидев Филарета, он махнул шляпой.

— Добрый вечер, сударь!

Расталкивая тростью кости животных, мужчина прошагал к беседке. Белокурый, улыбочивый он голой ладонью снял шляпу, поклонившись Филарету.

— Георгий Свиридов, глава делегации при Его Светлости Великом князе Владимире Барысовском. Иностранная коллегия. Будем знакомы, сир.

Филарет не представился, на что Свиридов лишь сказал:

— О, вас я знаю. Не утруждайтесь.

Он деловито зашёл внутрь беседки, разглядывая облезлые, как шкура дворняги, балки. Филарет смерил его взглядом.

— Тебя здесь быть не должно. Что надо?

— Я ищу легенду революции. Вас, — ответил Свиридов, и позади него на перилах беседки, где зелень рощи бросала свои тени, послышался звонкий девичий смех.

Филарет моргнул. На деревянном поручне сидела девушка спиной к роще. Она поджала босые ноги под длинную холщовую рубаху. Рукава, словно варежки, вбирали крохотные ладони. Рыжие локоны падали на плечи. Глаза были красные, как налитые кровью.

— Поди прочь! — отвернулся рыцарь.

Но смех теперь звенел в голове. Её тонкий и одновременно властный голос лился песней в уши.

— Прощу простить за бесцеремонность, — прорезались слова Свиридова. — У меня мало времени, после свадьбы я уеду, и другого случая, боюсь, не будет.

— Свадьба сегодня, — мутно посмотрел на гостя Филарет.

— Вот именно! Я читал ваши Пункты, — Георгий нашёл у виноградников скамейку, постелил платок и уселся, скрестив голени. — И даже ваши книги. Все двенадцать. Отдельно заказал перевод обращения к горожанам Фольсбурга. Переводчик сделал много ошибок, но текст был полный. Признаюсь, я поклонник.

— Чего?

— Ваших идей!

Георгий откинулся на спину.

— Двадцать три Пункта против монархизма... — напомнил он. — Вы выбивали их на липах королевского леса.

— Ага... — кивнул Филарет.

Рыцарь тяжело дошагал до стула и присел. Девушка кошкой подбежала к его коленям. Мертвецки бледная, её кожа испещралась вздутыми лопнувшими венами. Синяя с тёмными пятнами шея выгнулась. Она смотрела на него чёрными волчьими зрачками в сургучном воске белков.

— Романское царство, — Свиридов нагнул корпус вперёд, поставил трость между коленями. — Тысячелетняя империя гниёт. Мы кормимся падалью Лирии, Ближморья через сети бесконечных торговых гильдий, а чего не хватает, добираем с униженного и безвольного крестьянства. Разве так должно быть устроено государство? Ваши слова: *честный выбор общества, пусть в нём присутствуют аморальные члены, всегда будет справедливее выбора даже полностью морального, но отдельного индивида.*

— Что ты предлагаешь?

— Удел, — развёл руками Свиридов. — Здесь началась Романия. Здесь правили первые цари. Здесь они могут и уйти в забытье. Царь Радомир болен. Романия проиграла Северный поход, теряет власть над Ближморьем. Восстание тут, во Дворце искусств, поставит крест на мандате Барысовских. А в хаосе войны знати вспыхнет и народная война. Я не один такой. Нас много. У нас есть люди в шести губерниях и деньги трёх торговых домов. Не хватает одного. И-ме-ни, — произнёс Свиридов. — Люди охотнее пойдут за человеком, который однажды уже сделал невозможное. Вы сделали. Вас было только сорок человек, и под вашим началом они прошлись огнём по власти Генриха.

— Слушай, — сказала девушка. Она в упор придвинулась к лицу Свиридова и разглядывала его как жука. — Он тебя любит. По-настоящему. Ты же этого хотел: чтобы твоё «Общее дело» читали, учили... чтобы восхищались. Вот он! Ещё один твой подлинный сынок.

Филарет вытащил меч из сумки и принялся затачивать. Рука его напряжённо сжимала точило. От движений лезвие бросало крупья искорок.

— Поди прочь... — сказал он ей, не думая.

Свиридов вздохнул. Поднялся, раздосадованный.

— Нет, подожди... Послушай, Георгий... забудь про революцию. Это брехня. На бумаге всё идеально, а в жизни... наступит смута. В первую неделю люди бросятся жечь архивы, где записаны их долги и преступления; будут выбрасывать из окон кредиторов и резать торговцев. Во вторую — начнут грабить амбары с хлебом, а в третью — друг друга, потому что на идеи равенства перед законом плевать всем, кроме школяров, как мы. К седьмому месяцу всех подомнёт жестокий ублюдок, хитрый и живучий, как тарантул. Он объявит себя новой властью, которая окажется ничем не лучше власти монарха.

Свиридов слушал внимательно, не перебивая.

— Несогласных он будет убивать. Головы моей семьи полетели одними из первых... Сестры, её мужа и троих ребятишек. И я ничего не смог поделаться. Даже хорошая власть всего лишь милость тирании.

— Потому вы здесь? — тихо сказал Свиридов. — Точите мечи в языческой роще.

— Скажи ему про меня, — попросила девушка. — Ну скажи про наш уговор. Скажи, кто послал короля на эшафот.

Вспышка гнева отозвалась гулом в голове, но Филарет держался. Точило шло по кромке ровно, с одним и тем же звуком.

— Сир Филарет, — Свиридов снял очки и стал протирать их тряпочкой; без них его лицо выглядело ещё моложе. — Стефан был тираном, вы — нет. И вы ведь ушли, подожгли за собой Фольсбург. Если вы будете с нами, этого не повторится: мы не допустим тех же ошибок. *Вы вините идею за несовершенство людей, тогда как республика — это примат справедливости над человеком.*

— Красиво завернул.

— Это ваши слова.

— Знаю.

— Скажите, что вас держит?

Филарет наконец поднял глаза.

— Обет. Теперь я брат ордена.

— Обет — тоже присяга, — Свиридов надел очки. — Одну вы уже нарушили. Что мешает нарушить вторую?

Его глаза слезились в прищуре.

— Он тебя поймал, — восхитилась девушка. — Как мышонка, поймал. Убей его уже. Я восемь лет ждала, когда ты кого-нибудь убьёшь, — она залезла обратно на перила, свесила ноги и заболтала ими. — Если он начнёт чего плохого, что будет с девочкой в башне? Спроси. Он ведь знает, что она там.

Рука с точилом остановилась. Свиридов заметил. Он ничего не сказал, но глаза за стёклами сделались внимательными. Филарет положил меч на колени и посмотрел на гостя прямо и долго, как смотрят в врага перед прыжком.

— Я отвечу на вопрос.

— Буду признателен.

— Революции не нужны рыцари. Ей нужны палачи. Хорошие, неутомимые, с воображением. Я был хорошим палачом, — он помолчал. — Мне это нравилось. Каждый день нравилось. И поэтому я отвечу «нет».

Свиридов отряхнул платок и убрал в карман.

— Ясно, — сказал он спокойно. — Но предложение остаётся открытым. Не из упрямства. Просто искренне верю, что республика — общее дело. Подумайте.

— Донести будет проще.

— Не проще. Вы тут не в почёте. Разузнал, — Свиридов повертел шляпу в руках. — А убивать меня не стоит: приедут и другие, менее вежливые.

Он поклонился. Его взгляд скользнул по перилам, где сидела девушка — по пустым перилам — и на секунду задержался там. Свиридов поправил очки.

— Душно у вас место, — сказал он. — И цветёт не по сезону.

Со стороны заросшей дорожки послышались шаги. Мальчишеские: частые, лёгкие, с запинками там, где в траве прятались камни. Свиридов отступил к винограднику, к самой стене. Девушка соскользнула с перил. Она прошла по цветам босиком и остановилась вплотную, обхватила Филарета, прижав его к груди. Он ощутил запах — не лаванды, а мокрой шерсти и железа. Она припала губами к его уху. Влажное дыхание заструилось по мочке.

— Три месяца, — сказала она ласково, теребя его седой локон. — Столько я возьму. За рану. Бедный мой рыцарь, ты всегда торгуешься за такие мелочи. И всегда платишь целиком.

— Уйди.

— Куда же я уйду, — она засмеялась, и смех этот был последним, что от неё осталось.

Рыцарь наклонился, вдавил сумку с мантией под скамью, сапогом задвинул поглубже. Сел прямо. Взял тряпицу. Цветочная шторка на входе шевельнулась и отошла в сторону. В беседку заглянул тощий низкий мальчуган в приютской рубахе, с прилипшей к голове копной каштановых выющихся волос.

— Ты кто? — спросил Филарет.

Интерлюдия. Камни

*Нет бога на земле, и всякий идол его
есть лишь отражение твари в материи.*

Здесь, у каменистых берегов, поросших сухим кустарником, начинается древняя земля. Немало кораблей видели эти камни, многие армии топтали жёсткий песок на пляжах полуострова, который с давних времён называют Лирия. Страны с бессчётным числом королей, вождей и императоров возникали и здесь же обращались в пыль, обрастали мхом и лозой, пока почва не поглощала руины их столиц. Это дикая земля, властвовать над которой невозможно. Всякий, кто посягает на степи полуострова, его горы и россыпь богатых свободных городов, рано или поздно терпит крах.

Я много путешествовал по Лирии. История — мёртвая наука о мёртвых людях — дышит в этом месте надрывно, во всю грудь, как тройка лошадей на длинном перегоне. Бывало, заглядываясь на руины в окно экипажа, ловил себя на мысли, что понятия не имею, какому народу принадлежит архитектура. В толстых арках фасада проглядывалась монументальность лирийцев, но в то же время простота самого здания напоминала более древние, забытые времена. И оттого досада берёт, когда местные мальчишки отламывают круглые навершия арок и как мяч бросают промеж собой. Камень летает от одного к другому, трещит, осыпается, пока и вовсе не падает в траву, где пролежит ещё, быть может, не один десяток лет. А вдруг именно в том камне была расшифровка письменности акитавцев? Кто знает... Этот вопрос мучает меня при виде каждого заброшенного селения.

Спросить, впрочем, не у кого. Местные к древностям равнодушны: они легко покажут старое капище за звонкий рубль или поменяют ржавое железо на полновесное золото. И даже так боюсь, мне не суждено осмотреть каждый камень. Я и так слишком часто дёргал Гарибаса на остановки — как бы проводник не бросил посреди степи.

Моя работа, смысл долгого путешествия по кладбищу империи, малыми шагами становится ближе к написанию. Сколько теорий и домыслов высказывали нам преподаватели, когда я был ещё студентом, о событиях Яковинской ночи. Целый город был вырезан племенами, крепость осталась в руинах, и по-прежнему непонятно, при каких обстоятельствах. Однако среди архивов Гучартана я нашёл примечательный судебный протокол, датированный годами Яковинской ночи. У меня закралось подозрение, что тогда случилось чудовищное: казачий гарнизон поднялся на бунт одновременно с резнёй в городе. Быть может. В конце концов точно известно, что всё случилось не в день Святого Якова, а несколько позже. Моё изложение, конечно, ещё далеко от конечного оформления — о многом я до сих пор размышляю. Посему оставляю задачу будущему себе. И всё-таки история мертва — правы те, кто так говорил.